

Дмитрий Спирин

Тупой панк-рок для интеллектуалов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6684094

Спирин Д. Тупой панк-рок для интеллектуалов: АСТ: Кладезь; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-081629-3

Аннотация

Дмитрий Спирин – человек с богатым музыкальным опытом. Бас-гитарист не существующей ныне группы «Четыре таракана» и кавер-группы «Приключения электроников». Бессменный вокалист и фронтмен мелодичной панк-рок группы «ТАРАКАНЫ!» и, наконец, автор.

Эта книга написана не только для поклонников группы «ТАРАКАНЫ!», но и для всех, кому близок бунтарский дух панк-рока. На этих страницах, лежит честная история, становления музыкального андерграунда и положения дел в стране на развале Советского Союза. Пустые прилавки магазинов, отсутствие концертных площадок и рекорд-лэйблов, способных заняться продвижением группы. Непонимание со стороны общественности и долгий, полный перемен и тяжелых испытаний путь к популярности. Обратная сторона туров, больших, сольных концертов и музыкального бизнеса в России.

Биография Дмитрия Спирина – это подробный рассказ о создании групп, в которых он принимал (и продолжает принимать) участие. Общение, взлеты и падения, а также большое количество панк-рока и столь близкий многим проверенным временем музыкальным коллективам дух старой школы!

Содержание

Интро	5
1. А ну-ка раз, два, три, четыре!	6
2. «Четыре Таракана» from USSR	11
3. You're left your home, you left your parents...	24
4. I just walkin' with myself	40
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Дмитрий Спирин

Тупой панк-рок для интеллектуалов

© Спирин Д., 2014

© Оригинал-макет, ООО «Книжкин Дом», 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Интро

Перед тем как позволить вам приступить к чтению собственно книги, я хотел бы ответить всем, но в большей степени самому себе, на два вопроса: зачем она нужна, и почему я сам пишу ее.

Я часто встречаю в продаже подобные литературные труды и знаю, что частенько такая книга может стать по-настоящему занимательным чтением, причем не только для фэнов группы, но и (если только подойти к вопросу грамотно) для абсолютно посторонних людей. Не так давно я прочитал автобиографию Марка Алмонда «Порочная жизнь», и так приколосился, что решил скупить все пластинки артиста, о котором я до той поры знал только понаслышке. Такое же сильное впечатление на меня произвела биография Джона Леннона авторства Альберта Голдмана. Был период, когда мы просто выстроились в очередь друг за другом, чтобы прочитать ее. Есть и еще одна причина. Прилавки рок-магазинов сейчас завалены биографиями российских групп, которые не пережили и сотой части тех удивительных приключений, странных встреч, судьбоносных знакомств, беспредельных эпизодов и крутейших поворотов судьбы, имевших место в нашей жизни. И вы предлагаете мне спокойно смотреть на это? И еще один момент: люди хотят знать все... Ну, или почти все (я имею в виду тех людей, которые вообще могут хотеть знать хоть что-то). Стандартная биография, доступная на нашем сайте или еще где-то, отвечает только на основные вопросы. Я же постараюсь предельно откровенно (настолько, насколько это вообще возможно) описать все то, что происходило эти двенадцать лет, дать объективную (опять же, настолько объективную, насколько это может сделать такой самовлюбленный субъект, как я) оценку событиям, фактам, а главное – людям. Я очень надеюсь, что после выхода этой книги единственным вариантом ответа на вопрос типа: «Слышь, Сид, а че тот-то из группы свалил?», или «А когда вы сочинили это?», или «А че вы ваще имели в виду, когда сделали то?» – будет ответ: «Читайте, ребята, книжки. Там все пишут».

Почему же я сам решил написать это? Отчего мы, например (как это делают многие), не воспользовались услугами какого-нибудь типа писателя или, что еще лучше – музыкального журналиста?

Ну, во первых, принцип «Делай Это Сам» часто становится единственно возможным способом получения отличного (наилучшего) результата. Кто лучше, чем я, знает, что НА САМОМ ДЕЛЕ происходило? Кроме того – чем я не писатель? Писатель, да еще какой. Многие пососут. И еще. Эта группа, и эта музыка – не что иное, как моя собственная жизнь. Единственная тема, которую я знаю по настоящему хорошо. Досконально.

1. А ну-ка раз, два, три, четыре!

Это была ранняя весна 1991 года, время стремное, но интересное. Страна потихоньку подбиралась к первому путчу в своей новейшей истории, жрать было нечего, курс доллара рос каждый день. Зато уже было радио SNC (рок круглые сутки!), и некоторые московские пацаны еще хотели быть звездами рок-н-ролла больше, чем хозяевами коммерческих ларьков, что на определенном этапе тоже весьма неплохо. Я уже около полугода репетировал с группой, менявшей свое название от репетиции к репетиции. Поначалу мы звались «Гриф», но кто-то нам сказал, что птица гриф питается падалью, и это оказалось достаточной причиной, чтобы название отменить. Обидно, я уже нарисовал шариковой ручкой мощнейшее металл-лого. Следующим вариантом был «Аббат», не знаю, почему нас вдохновило это слово. Помню, через неделю после переименования наш гитарист Паша Мазенов принес новую песню, в которой имелись следующие фантастические слова: «Встрече с ним каждый рад / твой и мой адвокат / аббат!». «Аббат» не был настоящей группой. Мы репетировали дома у барабанщика. Барабанщик играть не мог. Кроме всего прочего, его установка состояла из пустого чемодана (бас-бочка), клетки для птиц (все тарелки и хай-хэт одновременно) и пионерского барабана. У гитариста была гитара «Стелла» (модель культовой фабрики «Урал»), перегружалась она через отжатый на запись магнитофон «Электроника-312». Отдельно следует остановиться на певце, тем более что этот мощнейший человек будет еще встречаться на страницах книги. Певцом был Игорь Чекрыжов, или Гарик Чек, более известный ныне как Гарик-из-Зиг-Зага. Пел он у нас, правда, недолго. Гарик, Паша и я несколько лет подряд ездили в один пионерский лагерь «Луч», где и познакомились. Я учился играть на басу, вот уже два года посещая так называемую «Студию современной музыки» в ДК «Красный Химик». Летом 1990-го, тяжелым физическим трудом, работая грузчиком на гастролях поп-группы «Клеопатра» (там еще была певица Светлана Владимирская. Позже у нее был хит «Мальчик мой», сейчас она в некоей секте, строит в Сибири город Солнца), я поднял немного рублей и купил «настоящую» бас-гитару. До этого я пользовался обычной акустической гитарой, переделанной в бас. Вот в таком составе и с таким оборудованием мы старались сделать группу. А теперь представьте, что эта группа пыталась играть хард-н-хэви в стиле Арии! Все это было настолько смешно, что иногда даже не было понятно, в чем же здесь юмор. Группа не трогалась с места, и единственным достижением ее была договоренность о грядущем концерте в какой-то школе Бауманского района. Примерно в это время один бывший одноклассник рассказал мне о некоей группе, возникшей в нашем районе. Группа, по его словам, играла «панк-рок» (что такое панк-рок?), и в составе ее имелись чуваки из 56-й школы, а также Воробей, – Дима Воробьев, сын моей учительницы немецкого и одно время классной руководительницы Надежды Семеновны. Во как! – подумалось мне. И как же они называются? А называются они – «Кутузовский проспект», и недавно играли в нашем Доме пионеров на площади Победы. Концерт! Настоящий! Для публики, а не школьников, под страхом смерти загнанных в актовЫй зал «на мероприятие».

Как выяснилось чуть позже – я, наверное, оказался единственным из районной тусы, кто не был на том самом историческом концерте в Доме пионеров. Несколько недель после о нем говорили все. Люди даже запомнили пару песен, одна из которых, «Чапаев», оказалась вообще немыслимым хитом. В разном исполнении я слышал ее от нескольких друзей, именно поэтому имею возможность привести здесь несколько строчек из этого удивительного произведения: «По реке плывет Чапаев /далеко не уплывет /потому что не смолкает / мой станковый пулемет. Гитлер лезет на сосну /лезет и смеется (!?) /посмотри товарищ Сталин /как он наебнется!»

К тому моменту «Аббат» (или как мы там к тому времени назывались) стали искать нормальную, не домашнюю репетиционную базу. Я, памятуя о месте проведения концерта «К.П.», отправился в свой районный Дом пионеров, попробовать договориться о возможности репетировать там. Переговоры увенчались успехом, хотя и были несколько омрачены личностями хозяев точки. Представьте себе (если только такое возможно представить в начале 21-го века) двух абсолютно одинаковых с лица братьев полухиппи-полупропойц в возрасте. Сморщенные ебальнички, плохенькие волосенки, свисающие соплями с затылков, неудавшееся музыкальное прошлое, сквернейшие характеры и самомнение на фоне постоянной алкогольной абстиненции – такими были Игорь Валентинович и Олег Валентинович, руководители кружка «рок-ансамбль» Дома пионеров Киевского района г. Москвы. Never trust the Hippu, uh, John? Тем не менее, несмотря на моментально возникшее взаимное неприятие, нам было назначено прослушивание. На самом деле Валентинычи уже давно самоустранились от непосредственно ведения «кружка». По всей видимости, любая работа причиняла им боль и грусть. Братями была выработана ненапряжная схема, при которой в помещении постоянно репетирует несколько уже готовых групп, одной из которых и были «К.П.». Дерзновенные юноши и девушки, приходящие с улицы, просто не принимались под предлогом отсутствия мест.

Итак, через несколько дней мы притащились на Кутузовский и в назначенный час включили свои «инструменты» в «аппарат» Валентинычей. Кроме них, в комнате тусовались К.П. в полном составе (кроме Ленина, по-моему). Подключившись, мы попробовали что-то сыграть. Назвать это прослушивание полнейшим фиаско – это значит не сказать ничего. Никто из нас не мог петь, – можете себе представить, каких мелодий мы себе насочиняли, ориентируясь на Арию? Барабанщик останавливался через каждые пять секунд, делая вид, что ему все время что-то мешает. Мы начинали одну и ту же песню снова и снова, и снова у него отваливалась педаль или падала тарелка (на самом деле он, скорее всего, вообще впервые сел за настоящую установку). Мы чувствовали себя настолько беспомощно, что безответно сносили все тупые насмешки Валентинычей. После очередной остановки, старший Валентиныч обратился к одному из тусующих чуваков с телегой типа: «Денис, сядь за барабаны и покажи, как надо играть!» Денис сел и вломил. Разница была ясна, и не было никакой необходимости продолжать экзекуцию. Мы попрощались и ушли. После этого эпизода я принял решение покинуть группу, однако оставался в составе и ездил на репетиции еще некоторое время. Напомню, шла подготовка к важнейшему концерту в ШКОЛЕ!!!

Предложение играть на басу в составе К.П. прозвучало через несколько недель после позорного прослушивания.

Я встретил чуваков на своей троллейбусной остановке. Мы поздоровались как уже типа знакомые, и барабанщик Денис (или Рубан, как его все называли) спросил, как мои дела с той группой. Я честно признался, что собираюсь скипать. «Не хочешь панк-рок поиграть с нами?» – спросил он.

«Музыка простая, ты приколешься. Без соляков, без пафоса и напряжения. Мы раньше делали песни типа «Монгол Шуудан» и Сектор Газа, но быстро обломались играть совок. Сейчас играем в стиле Sex Pistols, быстро, мощно с дисторшн-гитарами».

«А что с вашим басистом?» – поинтересовался я (их басистом был некто Денис Сизов, чувак, живший со мной по-соседству).

«Решили с ним расстаться, по разным причинам».

Позже Рубан признался, что на самом деле их приколол мой внешний вид (отдельный разговор...) и наличие черной чешской бас-гитары Jolana bass disco.

Я взял несколько дней на раздумье, а сам ломанулся к еще одному своему экс-однокласснику, Коляну Корчагину, чей старший брат слыл экспертом во всяких странных музыках. Странными музыками у нас в то время считалось все, что не было хэви-металом.

Брат дал мне несколько кассет того, что он считал панк-роком. Среди них был первый альбом «Чуда-Юда», кстати, слышанный мной задолго до этого. Несколько лет назад на экранах прошел отличный фильм «Авария – дочь мента», где «Чудо-Юдо» играли сами себя в нескольких сценах. Кроме прочего, не помню уже, чего именно, у меня оказалась кассета «Sex Pistols» с «Never Mind the Bollocks» на одной стороне и «Great Rock'n'Roll Swindle» – на другой. Вот это было по-настоящему круто! И если мне предлагается играть такую музыку – ОК, вперед! Ничего подобного я не слышал никогда, хотя увлекался роком лет с 11-ти. Вся наша школьная и пионерлагерная, (а позже – просто дворовая) туса зависала на металле. Хэви был в топе весь конец восьмидесятых, и эти записи было сравнительно легко достать (если ты, конечно, был знаком с нужными людьми). Я имею в виду, что нас не достала «новая волна» – это была музыка скорее старших братьев. Тех, кому было 14–16 в году восемьдесят четвертом, Duran Duran были их группой. Пост-панк тем более прошел мимо, хотя и оказал огромное влияние на большое количество русских групп, пытавшихся в начале девяностых играть нечто подобное. Но «Pistols» не были ни первым, ни вторым и уж тем более они не были хэви-металлом, хотя некоторые элементы их звука меня прикололи именно потому, что я имел кое-какой хэви опыт.

Но минимализм в аранжировках, фокусирование на ПЕСНЯХ, а не на делании МУЗЫКИ, лаконичность и конкретность производили неизгладимое впечатление.

Конечно же, это только сейчас, поднабравшись формулировок и научившись с грехом пополам облекать свои чувства, вызванные прослушиванием музыки, в слова, я смог все это расписать таким образом. Тогда же, в 91-м, было ясно одно – я тоже так хочу, и что самое главное – МОГУ. Панк не требовал исполнительского мастерства, и это мне более чем подходило. Кроме всего прочего, – и это тоже было важно – я не находился в плену мифа о «Pistols». Я ничего не слышал о Сиде и Нэнси, и обо всех этих «Who kill Vamby?» и «Destroy!». Я ничего о них не знал, поэтому воспринимал их просто как рок-группу, сочинившую и записавшую пластинку из простых и мощных рок-песен, несколько однообразных, но от этого не менее привлекательных.

Итак, ответ был дан положительный, как вы, наверное, догадались, и мы поехали на первую репетицию.

Песни учились легко, от меня не требовалось сочинять отдельные басовые партии или ходы (мало того, все попытки делать это пресекались на корню, как несоответствие жанру). Тонический бас, подклад восьмыми нотами (ды-ды-ды-ды-ды-ды-ды) в большинстве случаев в унисон гитарным партиям – вот все, что требовалось. Все песни сочинялись Лениным, который приносил готовые мелодии, аранжировки и тексты – на английском и русском.

Юра Ленин был по-настоящему одаренным парнем, делал музыку легко, обладал необходимой музыкальностью и мог петь, с легкостью попадая в ноты.

Юра жил на Большой Дорогомиловской и учился с Рубановым в одном классе в 56-й школе. Имея папу кадрового офицера (человека весьма сурового нрава, с именем Владимир при фамилии Ленин), Юра был весьма оригинальным пассажиром. Худой, среднего роста чувак, в сапогах, внешне издали напоминавших «казак», но имевших застежку «молния» на внутренних сторонах, что по тогдашним «пацанским» представлениям было западло. Пласток, с чуть ли не хохломской росписью, повязывался на башку в виде псевдобанданы, кожаная куртка и ботан-очки на носу. Также наличествовали умеренные хаерки (скорее всего, отбитые у папани с боем), и манера использовать в разговоре массу слов из постхиппистского англоязычного сленга, к месту и не к месту. Все это его «шуз», «Гитар», «сейшн», «элбум» немного раздражали, но, тем не менее, придавали ему вид «рок-ребела», (оп-па, я по ходу тоже что-то такое употребил), мучительно борющегося с консервативным влиянием семейной среды.

Юра был действительно талантливым сочинителем для шестнадцатилетнего парня, «сексипистолзподобные» песни сыпались из него гроздьями. Кроме пения (он классически копировал манеру Джонни Роттена), Ленин также поначалу играл на ритм-гитаре. Именно Юра, желавший во что бы то ни стало делать «все как у них», напридумывал всем сценические кликухи. Рубан остался Рубаном (правда, став Дэном вместо Дениса, что, согласитесь, не очень напряжно). С Воробьем ничего поделывать было нельзя, поэтому все сошлись на том, что Воробей останется им по-прежнему. Себя Юра стал именовать Джерри Лайдон, хотя ему как раз, имея настолько экзотическую и громкую «родную» фамилию, жаловаться было грех. Меня же Юра сразу начал величать, даже не спросив разрешения, Сидом. «Раз мы русский «Pistols», а ты играешь на басу – будешь Сидом». Да уж, в логике ему отказать было сложно.

Воробей, или Дима Воробьев, был из семьи попроще. Его мама работала учительницей немецкого в нашей 665-й школе, отца на горизонте видно не было. Воробей учился там же, на класс старше меня. Дима с матерью жили в коммуналке на Кутузовском, в соседнем с рубановским доме. Как оказалось, еще в школе он увлекся музыкой и в старших классах занимался пением, самостоятельно научившись играть на гитаре. Поначалу он был музыкантом сорта «можешь-спеть-пару-песен-» Кино»-под-гитару?», и рок был несколько далек от него. Насколько я сейчас понимаю, переход с «боя» полными аккордами на чистом звуке к игре квинтами и квартами с дисторшном проходил для него несколько болезненно. Димон был и, я надеюсь, остается простым, добродушным и милым парнем, с отличным чувством юмора, тактичным и внимательным. Он никогда не был супермузыкантом (впрочем, как и каждый из нас, за редким исключением), однако играл ровно и с чувством, быстро освоив большинство характерных гитарных панк-фишек (Steve Jones style, baby). Он также мог петь, что и делал в самом начале К.П. Ленина то ли еще не было, то ли он тогда только играл на гитаре. Но с переходом к новой эстетике, группа посчитала, что Ленин будет более выгодно смотреться в роли лидер-вокалиста.

Рубан был из цирковой семьи, их династия насчитывала несколько поколений, еще с дореволюционных времен (революция свершилась в октябре 1917 года). Мать его постоянно находилась на гастролях, отец жил в другом месте (родители были в разводе). Денис проживал с двумя бабушками – божьими одуванчиками, одна из которых была его настоящей бабушкой, а вторая – ее сестрой. Все школьные годы он гастролировал вместе с цирком, в котором работала его мать, переезжая из города в город, сменив за это время несколько десятков школ в разных местах России. В старших классах он прекратил движения по стране, и доучился в 56-й школе, живя в огромном сталинском доме на Большой Дорогомиловской.

Рубан был основным катализатором в группе, наиболее деятельным персонажем, тянувшим за собой остальных. Поступив после школы на телевизионный завод «Рубин», он попытался собрать первый состав группы. Сам он пробовал играть на басу, но после травмы, полученной на заводе (что-то типа растяжки фаланг нескольких пальцев), переключился на барабаны. Наши с Денисом музыкальные вкусы совпадали почти полностью, он также парился на хэви-металл. Его любимыми группами были Accept/UDO, Iron Maiden, Metallica, Guns'n'Roses, AC/DC, Motorhead, Kiss и другие. Так же, как и я, он прошел в детстве через увлечение евро-попом (Modern Talking, Bad Boys Blue, Silent Circle, Joy etc).

На самых первых репетициях у Ленина уже были песни «Под потными обоями» (позже – «Песня о жизни»), «Шилов вернулся», «Прохожий» – все они делались еще без меня в составе. Через несколько реп Ленин принес «Четыре Таракана», «I'll fuck my king in the ass», а Рубан, предложил сделать песню на основе пионерской песенки про овечку («Протекала речка,/а над речкой мост/на мосту овечка/у овечки хвост. Высохла та речка/провалился мост/ умерла овечка/отвалился хвост. А ну-ка раз, два, три, четыре!»). Песню «Про Овечку» играла еще одна группа, репетировавшая в Доме пионеров, – чуваки из Давыдково под названием Kick in Ass («Мы в Давыдково живем,/все мы курим, все мы пьем/так, что слушай Kick

in Ass/охиительный процесс»). В составе Kick in ass были парни, позже сформировавшие восхитительную франкоязычную банду Les Primitives, гитарист которых, Шахно, после распада группы некоторое время играл на гитаре в «Четырех Тараканах». Из «Овечки» путем несложных генетических операций была произведена «Крыса».

2. «Четыре Таракана» from USSR

После очередного конфликта с Валентинычами (один из них начал что-то гнать по поводу наших песен, хулиганского вида и беспонтовости панк-рока как музыкального стиля в целом) Ленин полез в драку. Мы завязали с репами на площади Победы. Надо было искать новое место для реп, и других вариантов, кроме как снимать часы за деньги на коммерческой базе, не было. Таким образом, после недолгих поисков, мы въехали на точку, располагавшуюся в старой церкви в районе метро «Шаболовская». Нужна была лаванда – три часа репы стоили 25 рублей, пачка сигарет стоила 2 рубля вроде бы. Не помню, кто предложил это первым, но идея была проста, хоть и несколько непоследовательна. Состояла она в том, чтобы исполнением одних песен заработать на репетиции других. Короче говоря, взяв пару акустик, мы выезжали с утра пораньше в длиннющий подземный переход метро (пересадка с «Площади Революции» на «Театральную») где и вопили дурными голосами один и тот же репертуар по кругу – «Замыкая круг», «Гуд Бай Америка» и еще пару подобных вещей. Спешащие мешочники и иностранцы-экскурсанты ссыпали нам достаточно денег, чтобы оплатить три репы в неделю, метнуться пожрать в Пиццу-Хат на Кутузовском (только-только тогда открывшуюся и поэтому жутко популярную) и взять «Вермута». Записав на базе несколько песен на встроенный микрофон обычного бытового магнитофона, мы получили свое первое демо. Я кое-что знал о «Рок-лаборатории» (официально – «Московская Творческая Лаборатория Рок-Музыки»), к тому же в «МК» был дан анонс приема записей от групп, желавших выступить на «Фестивале Надежд» «Рок-Лаборатории». Фестиваль проходил раз в год в «Горбушке» и был значимым событием в мире тогдашнего андеграунда. Группы считали фест типа «путевкой в большую жизнь», «стартовой площадкой», бла, бла, бла...

На деле оказывалось, что за два дня фестиваля, в марафонах из нескольких десятков выступавших банд, возможность обратить на себя внимание имели либо самые выдающиеся, либо самые выебистые. Звездами первых фестивалей были «Звуки Му», «Вежливый Отказ», «Нюанс», «Коррозия Металла», «ЭСТ», «Черный Обелиск», «Шах», «Ва-Банкъ». После фестиваля 1990 года стали известны «Наив», «Монгол Шуудан», «Матросская Тишина», «Бахыт Компот», «Ногу Свело», «А-Ъ!» и другие. Все кайфы, которые группа могла иметь после успешного выступления на «Фестивале Надежд» заключались в «приеме на работу» в «Лабораторию». Музыканты имели возможность положить в отдел кадров свои трудовые книжки, и это было важно. Тогда в СССР свирепствовал старый УК, и статья о «тунеядстве» всю работала. Как, впрочем, и статья о «мужеложестве» и «незаконных валютных операциях», по которым можно было привлечь не одного и не двух «сотрудников» «Рок-лаборатории». Юмор, типа.

Кроме всего прочего, лабораторское начальство могло помочь группам с базой, аппаратом, ну и мутило какие-то концерты-фестивали по децелу. Именно им мы и отвезли демо.

Удивительно было даже не то, что нам позвонили через несколько дней, и сказали – «Все ништяк, приезжайте на разговор». Удивительно было то, что мы, оказывается, им крепко понадобились. Уже на первой встрече прозвучала поначалу ненавязчивая, а впоследствии все более и более настойчивая просьба переименовать группу. Кроме того, нам также намекнули, что неплохо было бы сменить барабанщика, который по их понятиям (до нас тогда все эти сложности не доходили) был слабоват, «неровняк».

Так или иначе, но нам сообщили день, когда в малом зале ДК им. Горбунова состоится живое прослушивание отобранных групп. Второй уровень, так сказать.

Предфестивальное прослушивание выглядело так. В партере малого зала, в креслах расположилось все лабораторское начальство, плюс какие-то журналисты с фотоаппаратами,

плюс музыканты некоторых лабораторских групп (допускались все желающие). Мы не знали почти никого, кроме Германа из «Матросской Тишины» (его я видел на фотке в лабораторском журнале «Сдвиг»), также Рубан сразу сказал, что в зале есть чуваки из «Наива». Лично он также не был знаком ни с кем из них, но как-то признал. Итак, настало наше время выходить на сцену, мы включились и начали. Вы можете не верить (я бы тоже не поверил), но... после первой песни ОНИ ВСЕ ВСТАЛИ с мест и СТОЯ аплодировали нам. И толстые тетки-начальницы, и Антон Якомульский из «Ногу Свело», и какие-то офигенно модно прикинутые чуваки, и бородатые челы с фотоаппаратами. Я не мог объяснить этого тогда. Никто не мог. Сейчас, может быть, и понятно, что хлопали они не нескладной группе прыщавых нелепых подростков, они хлопали юности, свежести, наивности, безыскусности и отсутствию зауми. Всему тому, что НА САМОМ деле вставляет в ранних записях почти всех панк-групп мира. Вы вряд ли найдете в них хоть какое-то владение инструментами, хоть какие-то мысли и идеи, там даже может и не быть МУЗЫКИ. Но это чувство, что-то такое щемящее, что заставляет с большей силой жалеть о том, что тебе уже не 16 лет – вот чего там много. Кто-то из этих людей хлопал тем, кем они сами уже никогда не смогут стать, другие – признав в нас своих.

Мы сыграли еще пару вещей. На одну песню, по просьбе Ольги Опрятной, директора «Лаборатории», на сцену поднялся Антон из «Ногу Свело», чтобы исполнить с нами «Четыре Таракана» (наиболее техничную в барабанном плане нашу песню на тот момент). Они хотели посмотреть на то, как это будет звучать с сильным барабанщиком.

Когда мы спустились со сцены и пошли к выходу, все хлопали нас по плечам, говорили какие-то приятные вещи, а один, обращаясь к пацанам, сказал: «Берегите вашего Сида Вишеза». Кликуха пришла еще и с другой стороны, впрочем, в то время это ничего кроме гордости не вызывало. На «Фестиваль надежд» мы были приняты, однако с несколькими оговорками. Нам все-таки предстояло сменить имя. «Кутузовский проспект» сильно не нравился им всем. Они лечили нас, что мы еще молодые и многое не понимаем, что такое название будет тормозить наше развитие, что группа с нашей музыкой и посылом должна называться соответствующим образом, не так сухо и безлико. В итоге мы согласились со всеми доводами, однако категорически отказались от предложенного кем-то из лабораторских названия «Четыре Таракана». «Четыре Таракана»? – «Смеетесь, что ли? Что за детский сад?». Мы даже не рассматривали особо этот вариант по причине его выдающейся безмозговости и кошмарного звучания. Намного позже, в самом конце 90-х, Руслан Ступин, оригинальный гитарист «Наива», в нескольких интервью называл себя человеком, «придумавшим нам название», «принявшим группу в «Рок-Лабораторию», и чуть ли не оказавшим судьбоносное и кардинальное влияние на нас поначалу. Возможно, Руслан тоже был в зале на том прослушивании, возможно, он был именно тем человеком, который, услышав песню «Четыре Таракана» выдвинул идею назвать группу по названию песни. Все это может быть, однако я не склонен гипертрофировать чье-либо влияние на нас в этом смысле.

Итак, мы были должны в кратчайшие сроки назвать себя как-то по-другому, придумать звучное и крутое название группе, такое, чтобы не было стыдно идти под ним по жизни.

Еще одной оговоркой была необходимость подтянуть игру Дениса и, в крайнем случае, заменить его на фестивале Антоном Якомульским либо еще одним чуваком, порекомендованным лабораторцами – экс-барабанщиком группы Т-34 (не помню имени этого парня, к сожалению). Мы стали ездить на базу «Ногу Свело» на Полежаевку. Их база, на которой находился лабораторский аппарат, была оборудована в одном из помещений автобазы на улице Куусинена. «Нога» тогда начинала потихоньку выбиваться в фавориты, хотя до настоящего их успеха, «Хару-Мамбуру» и всего такого оставалось еще почти три года. Антон на самом деле поморочился с нами (не очень много, правда), показывая Денису разные приемы и помогая ему в том, что касается «ровной» игры. Проблема Рубана тогда, и потом, состояла

в практической невозможности удерживать игру в одном темпе. Он, что называется «плавал», играл то чуть быстрее, то медленнее, что, конечно же, катастрофическим образом сказывалось на общем звучании группы. Песни просто расползались на глазах, мы не звучали монолитно, а панк-группа, не звучащая «вместе», оставляет весьма комичное впечатление. Основные советы Антона касались игры под метроном, дисциплинирующей музыкантов и позволяющей более сфокусироваться на ровности темпа. Однако с нами было не все так просто. Денис начинал жаловаться на то, что «метр» отвлекает его, не дает наслаждаться игрой и мочить по-настоящему. Все это, конечно же, шло от нашей неопытности, мы были начинающей группой, с хорошим материалом и позитивным посылом, но так себе играющей. Иногда на базе мы встречали лидера «Ногу Свело», Максима Покровского, странного молодого человека, с внешностью рано начавшего пить лыжника-ботаника и задатками начинающего параноика. «Ногу Свело» тогда почти отошли от своего старого пост-панк-стеб-глум материала, типа «Лысой девочки» и «Подростка Семенова», только что выпустили на виниле альбом «Капризы Манекенщиц», и звучали сочно и очень оригинально.

«Ногу Свело» оказались единственной более или менее известной группой на «Фестивале Надежд» в июле 1991 года в ДК им. Горбунова. «Лаборатория» поставила их в концерт начинающих банд как коммерческую замануху, плюс, желая показать публике новую программу активно прогрессирующей группы. Кроме них, вы не могли найти в афише фестиваля ни одного имени, хоть что-то говорящего публике. Я постараюсь навскидку вспомнить несколько: день первый, металл; «Хеллер», «Razzle Dazzle», эээээ... Эээ... А! Вот – «Distemper». Да, точно, «Distemper» играли в первый день, вместе с металлической братвой. Как вы, наверное, понимаете, никаким ска-панком тогда даже не пахло, а пахло жесточайшем кроссовером /хардкором в духе Carnivore и DRI. «Урела, все совковые дела», «Нам сегодня с Баем дали пиздюлей», такие песни.

День второй – панк, пост-панк, индастриал, короче – все, что не металл; «Глобально Красные Ночью На Фронте» (отличные названия были тогда у групп, а? Можете себе представить сейчас группу, которая захотела бы назваться так?), «Джефф», «Французское сопротивление» (неплохая банда, игравшая смурной пост-панк с индастриал-штуками, очень умную музыку. Чуть позже они смогли выпустить винил на «Мелодии». Я не любитель такой музыки, но их опыты, по крайней мере, вызвали уважение. Я не знаю, что с ними сейчас. По-моему, они не существуют года с 93-го – 94-го), «Кузькина Мать», «Пост ОРБ» и масса других. В каждом из двух дней принимали участие по полтора десятка групп.

Итак, мы репетировали, готовясь к выступлению, параллельно придумывая себе новое название. Мы устраивали мозговые штурмы, фонтанировали самыми тупыми и нелепыми названиями, перебирали массу вариантов и в итоге остановились на варианте, предложенном Лениным. «Биг-Бен» – вот как мы посчитали возможным назвать свою группу! Нет, с другой стороны все понятно, юные панки, считавшие Лондон столицей панк-культуры, а башню – символом этого города. Второй, жаргонный смысл этого выражения нам, почему-то, был тогда не очевиден. Это название также вызвало неприятие, и все началось заново. В итоге, наша неоперативность, отсутствие единомыслия и некоторая леность привели к тому, что все сроки, отпущенные на придумывание названия, истекли. И тем не менее, анонс предстоящего фестиваля, пошедший по радио SNC, в котором одной из выступающих групп называлась группа «Четыре Таракана», произвел на нас шокирующее действие. Мы были в полной уверенности, что нашей, не успевшей еще начаться карьере наступил конец, что ни один здравомыслящий человек не захочет поинтересоваться группой с таким названием. А как прикажете знакомиться с телками?

«А ты чем занимаешься?» – «А я играю в группе!» – «Да? И как же она называется?» – «Четыре Таракана...» – «?!?!?!!!!!!!!!!!!!!!».

Не говоря уже о том, что такое название не может вызывать у людей уважение к музыкантам, решившим вдруг выбрать себе подобное имя. Я бы не стал слушать группу с таким названием, просто из-за него. Сейчас я считаю себя терпимым человеком, open minded, как это называет Чача, толерантным ко всем (ну или почти ко всем) формам проявления творческой мысли, но в то время название группы могло помешать людям добраться до музыки. Мы все думали тогда примерно так, и жутко злились на лабораторских функционеров, позволивших себе так жестко нас подставить. Однако в конторе царили спокойствие и тишь. Их объяснения звучали примерно так: «Ну ладно, пацаны, ну что вы разорались. Это всего лишь один концерт, да еще сто раз переименуетесь, какие ваши годы!» Что самое интересное, время показало, что они были отчасти правы. В любом случае мы успокоились, залечивая себя примерами из мировой рок-музыки, когда группы с нелепыми названиями становились звездами, и никому нелепость этих самых названий уже не была столь очевидна. Да что далеко ходить за примерами – НИКТО и НИКОГДА не мог даже предположить успех в масштабе целой страны группы под названием «Ногу Свело». Кто угодно, только не они. Люди, массы просто не смогут принять этот коллектив. Так казалось в 91-м. И что же? Разве сейчас кому-нибудь имя «Ногу Свело» кажется странным, режет ухо? Сомнительное, бессмысленное словосочетание превратилось в фонетически привычный набор звуков.

Итак, мы выступили на фестивале. Не так хорошо, как хотелось бы, на говняном звуке, не особо динамично, однако один фактор все-таки перевешивал все. Никто, кроме «Четырех Тараканов», не играл (на фестивале) панк-рок. Люди заморачивались на всякие постпанки и заумь, нытье, вытье, психоделию, атональности, нойз и тому подобную неконкретную муть. Почему никто не понимал, что, исполняя простую и доступную музыку, можно быстрее достучаться до сердец людей? Как все эти музыканты могли прикалываться от мудятины, в большинстве случаев надуманной и высосанной из пальца, когда абсолютно ясно, что люди хотят РОК? Громкий и тупой рок-н-ролл, способный поднять из могил мертвецов и уложить в них живых. Я верю в то, что все они действительно считали, что делают хорошую музыку, но время показало, что НИКТО из того лабораторского набора, кроме нас и Distemper не прожил и трех лет.

Короче, мы были единственными, кто играл панк-без-затей, классический подростковый «seventy-seven», и часть публики отнеслась к нам с симпатией. Люди запомнили имя, и то, что они могут ожидать от этого имени. Для начала было достаточно.

После сета, в гримерку, в числе прочих празднующихся пассажиров, заглянул весьма нетрезвый чел. Познакомиться и поздравить. Чувак отлично выглядел (по сравнению с тем, как выглядели мы, – он выглядел просто охуенно!), постоянно юморил и вообще – всячески к себе располагал. Рубан, подводя к нему свою тогдашнюю девицу, сказал: «Вот, Маша, чувак, который поет про «Жирный, жирный, поезд пассажирный». Оп-па! Так это же Крэизи из «Наива»! Круто! Так мы собственно и познакомились. Знакомство наше, переросшее в приятельство, дружбу, сотрудничество, продолжилось через несколько месяцев, и до этого дело дойдет в свое время. В тот раз Саша потусовал с нами несколько минут, накатил чего-то там такого и отправился дальше. Мы приободрились немислимо! Наряду с «Never mind the bollocks...» Pistols, Наивовский «Switch Blade knaive» 90-го года был на тот момент главной панк-пластинкой для нас и нашей тусы. И если Pistols были классикой, эталоном и примером стиля в принципе, то «Наив» показывал, как то же самое, без потерь по качеству и скидок на «ну-у, мы же живем в совсем другой стране» можно делать на русском и в России. Их клип «Танки-Панки» показали в нескольких музыкальных передачах, чуть позже «Наив» снялись в популярнейшей тогда «Программе А». Они жили неподалеку, чуть западнее по Кутузовскому, в Давыдково. Мы также знали, что их альбом был выпущен на виниле в Америке, на каком-то авторитетном лейбле, да и сами чувачки весьма не просты в плане происхождения (ну или, по крайней мере, часть их). Мы добыли эту запись (как и

множество других панк– и андеграундных записей) в студии «Рок-лаборатории» «Колокол», где за легкий прайс вам, на вашу кассету копировали любую фонограмму из огромного каталога. По-настоящему же «Switch Blade knife» был выпущен в России только в 1997 году, фирмой грамзаписи Фили. Мы слушали «Наив» каждый день, и просто не понимали, как это сделано. Где они набрались этой легкости и безбашенности? Как они, играя на металлическом звуке с глэм-прихватами, при этом не делают ни металл, ни глэм, а фигачат офигенное панк-музло? Да, конечно, мы тогда многого не знали. Да что там многого, на самом деле мы не знали ничего. Одна пластинка Pistols, прослушанная через 14 лет после ее выхода, вот и вся инфа, которой мы тогда владели. А с этими парнями было все не так просто. В их песнях чувствовалось знакомство (и весьма не поверхностное) с жанром. Мало того – они отлично играли, имели свой собственный звук, во многом определявшийся своеобразной игрой Ступина на гитаре и вокалом Крэйзи. Они делали несовковые русские тексты. Делать «несовковые» тексты было в тот момент главной задачей тех, кто, играя «фирменный» рок, собирался сочинять лирику на русском. И наоборот – написать «совчину» было страшным заподлянским актом. Именно поэтому в описываемый период времени большинство групп «нерусского» рока сочиняли всю лирику на английском. Люди просто боялись испоганить себе мазу. Никто не знал, как делать русские тексты и при этом не скатиться в русский рок. «Наив» знали. «Танки, танки, танки, танки, в них сидят солдаты панки!», или «Доктор Айболит», или «Композитор Бах, надавал мне в пах! / я остался подыхать, погибать в кустах! Его грудь в крестах, а моя в волосах / он – немецкий органист, а я советский онанист!» Кайф!

ОК, мы слушали «Наив», теперь даже могли похвастаться пусть шапочным, но все-таки знакомством с одним из них. И конечно, как множество начинающих парней сейчас, мечтают о совместном концерте с ними или с нами, нам тогда тоже мечталось выступить с «Наивом». Мечта, казавшаяся несбыточной, стала реальностью через несколько месяцев, а пока мы захватывали подвал.

Захват подвалов, на рубеже 80-х и 90-х было для тогдашней столичной молодежи делом почти обычным, это приобрело вид массового поветрия. Дворовые чуваки и чувихи, не зная, куда податься в холодное время года, вскрывали подвальные двери в своих подъездах и начинали тусовать в относительном тепле и таком же уюте. Все занимались разными делами, нам же подвал был нужен как репетиционная база.

Рубан сказал, что в соседнем с его подъездом подвале когда-то залипала молодежь, и сейчас он находится в запустении и свободен.

Мы за неделю очистили его от кала и хлама, провели электричество, и, попросив в красном уголке ЖЭКа какой-то заваливающий аппарат (типа на время, однако никто не собирался его отдавать ЖЭКу назад) завезли его вниз. Рубан навешал замков на двери и научил всех отжимать запоры этих «противоядерных» дверей (наш подвал, как и каждый нормальный подвал, был не просто подвалом, а «бомбоубежищем»). Он также вроде бы уболтал каких-то жэковских теток на то, что они типа дают разрешение нам там тусовать. Короче, был выбит полулегальный статус. Теперь мы могли говорить ментам, зашедшим на огонек, что у нас все чин-чинарем: пожалуйста, звоните в ЖЭК – там вам все подтвердят.

Таким образом, мы начали почти ежедневные репетиции. Очень скоро в подвале или около него (стояло лето) стал чалиться весь двор, а также одноклассники парней и мои собственные, всевозможные девицы и типа того.

Сами мы также очень быстро начали использовать помещение не совсем по назначению. Среди прочей «мебели» внизу стоял немислимый диван (не знаю, откуда он там взялся), на который мы и стали водить наших тогдашних подружек. Ну и выпивать там же.

Лето потихоньку катилось к концу, мы репетировали новые песни и даже записали еще одно демо, теперь уже долгоиграющее. На бытовой магнитофон в подвале были записаны барабаны и гитара (Ленин тогда уже только пел), а на дешевой студии при каком-то театре,

были дописаны бас и вокал. Назвав свое произведение «Crazy Boys» мы отнесли кассету в «Колокол». Не знаю до сих пор, как относиться к этой записи. Хронологически – это, конечно же, наш самый первый альбом. Однако он никогда не был выпущен на носителях, и я уверен – выпущен не будет. Мастер-кассета давно утеряна, та бобина, с которой фонограмма тиражировалась в «Колоколе», наверное, давно размагничена. Я лично не знаю никого, у кого бы в домашней фонотеке была приличная копия этой записи. Мы сами ни тогда, ни через год, когда был записан «Duty free Songs», ни уж тем более сейчас не относимся к «Crazy Boys» как к полноценному альбому и никогда не включаем его в дискографию группы.

18 августа 1991 года мы все крепко залипли на квартире у Маши, той самой Рубановской герлицы. Выпивали всю ночь, под утро упали в сон. Еще через несколько часов нас разбудил телефонный звонок Ленинского папаша: «Выгляните в окно, по Кутузовскому едут танки!» Заебись, путч! ГКЧП. «Лебединое озеро» по всем каналам, вместо SNC-радио, в эфире дыра. Что-то надо делать или нет?

Ну-у, мы по большому счету... во-первых, в жопу еще пока (легли недавно)... во-вторых, в лом куда-то идти, в третьих, если танки, нас ведь могут и завалить? Но, чуть очухавшись, решили все равно метнуться к Белому дому, позырить, что там и как. Чудной Кутузовский, абсолютно пустой, перекрытый заваленными набок троллейбусами. Идти нам недолго. Именно так, в первый же день переворота мы оказались на т. н. «Анархической баррикаде». Баррикада эта, как и ей подобные построенные всюду вокруг Белого дома, состояла из перевернутых тролликов нашего родного 2-го маршрута, арматуры, бетонных плит, каких-то досок и прочего кала. Не думаю, что эти сооружения могли действительно эффективно противостоять танкам, пожелай они двинуться на штурм, однако мы старались не думать о подобном развитии событий. Баррикады были скорее местами, вокруг которых кучковались «защитники» по интересам. На одной чалились интеллигенты, на другой – бывшие солдаты, на третьей еще какие-то демократы. У нас были неформалы, и над баррикадой развивался черный флаг с анархией. Идеальный антураж для съемки клипа на любую песню из тогдашнего репертуара «Монгол Шуудан»!

Несмотря на реальную опасность, мы достаточно весело проводили время. Ленин на второй день путча приперся в типа чекистской кожаной тужурке (укороченной и блестящей – не иначе дедушкиной) и в фуражке – тоже кожаной. В миксе с постоянными ботан-очками он выглядел просто насмерть! Такой «комиссарик молодой, щас поведу на расстрел». На баррикаде, а также под ней (сооружение было построено прямо над подземным переходом, в районе теперешней остановки 2-го тролля «Площадь Независимой России») тусовало огромное количество народу: панки, хиппи, металлисты, замороженные на политической борьбе анархисты, и просто анархисты. Все бухали. Ларечники, зассавшие от возможности прихода к власти коммунистов, подгоняли бухашку «защитникам» без прайса. Жрали благотворительные датские фасолевые супы в жестяных банках, слушали «Эхо Москвы» из карманных транзисторов (единственная станция, не прекратившая вещание в дни переворота). В числе прочего, я сам был свидетелем эпизода, когда некий экс-десантник в годах (выступавший на стороне «защитников») усосал из горла литр неразведенного спирта «Royal», весьма популярного тогда алкогольного напитка, и двинулся дальше на защиту.

Мы не по-детски веселились, оставаясь, впрочем, на постоянном стреме в отношении возможных провокаций со стороны злодеев – путчистов. На той самой баррикаде я, кстати, впервые услышал песню группы «Гражданская Оборона». Какой-то мутный чел, на имидже анархопанков того времени (хиппистский хаерок, черная шинелька, штаны, заправленные в ботинки) сидел на баррикаде, и, аккомпанируя себе на акустике, выл про «границы ключ». Че за кал? Че за вой? И че за кальный дух исходит от этого вытья? Оказалось, что это одна из популярнейших песен Г.О., мало того – ко всему прочему чувак называл это панк-роком!

А впрочем, тусовало там немало и нормальной братвы, со многими мы познакомились и забратались, вместе выпадая на измену от сообщений о танковых и газовых атаках, снайперах, засевших на крышах близлежащих домов и жертвах первой ночи.

Через три дня путч радостно завершился, демократия победила. Ельцин выступил с танка, прикрывшись Коржаковым, а «Наив», «Монгол Шуудан», «Мистер Твистер» и кто-то еще выступили на лестнице Белого дома с праздничным концертом. Говорят, Шура Иванов в панк-экстазе во время наивовского сета послал со сцены Ельцина на хуй (ну или высказался в подобном духе). Не знаю, своими ушами не слышал.

Наступала осень. За лето мы сыграли несколько удивительных концертов в разных странных местах. Мы ездили в мой пионерский лагерь, выступив на его сколько-то там летии (сбылась мечта идиота), рубановская мать отрулила нам выступление в Центральном доме работника искусств. В этом помещении через несколько лет обосновался скандальный клуб «Hungry Duck». Там мы фигачили сразу после каких-то цирковых клоунов и перед фокусниками.

Подвал процветал, мы репетировали все больше и больше вещей, в том числе сделали несколько каверов Pistols: «No Feelings», «God save the Queen» & «Anarchy in the UK».

В середине октября в Москве открылось первое место, которое работало по принципу европейского рок-клуба. Кафе «Отрадное» на метро «Алтуфьевская», открытое (а вернее, переделанное в рок-место из обычной окраинной пивнухи) басистом «Монгол Шуудан» Лехой Поляковым и его братом Володей, работало несколько дней в неделю. Каждый концерт был концертом независимой рок музыки, там стоял путевый аппарат, сцену и зал разделяла металлическая решетка. Любая группа получала ящик пивчаги и поднос бутеров. Эта практика в будущем была перенята множеством мест, не только в Москве, но и в других городах. У музыкантов это называлось «играть за простав» или «играть за пиво». Соответственно, группы по своему статусу делились на тех, кто играет «за прайс», и тех, кто играет «за пиво». Мы, имея знакомства в рок-лаборатории, сразу же попытались вписаться в «Отрыжку», что нам с успехом и удалось.

Именно на «отрыжкинских» концертах, играя с «Наивом» и «Ва-Банкомъ», «Чин-Чин» и «Шуудан», «Клиникой» и «Ногу Свело» мы смогли впервые завоевать кое-какую публику. В то время панков было много, (буквально через несколько лет, в 93–94-м вся имевшаяся туса куда-то исчезла, а на ее место никто не пришел), все они с радостью посещали мероприятия в «Отрыжке». Мы обрели немало друзей среди первых фэнов, многие из которых оставались с нами достаточно долгое время, а кое с кем я иногда встречаюсь до сих пор. Один из них – чувак по кличке Август. Теперь это вечно пьяный чел у «Зиг Зага», который, пребывая в особенную жопу, прекращает членораздельно использовать русский язык. Многие из вас могли видеть его там.

Телефон и Ящик, два моих друга-приятеля с тех самых пор, прошли (частично) через легкое увлечение бритоголовой темой, без особых наци-заебов, впрочем, а также наркотемой, хулиганством, приобрели проблемы с законностью, и до сих пор остаются преданными фэнами панк-музыки.

«Отрыжка» очень быстро стала культовым местом. Немудрено, впрочем, тогда это было единственное заведение подобного сорта. Концерты там собирали большое количество людей. Закончилось все крайне грустно. Во время одной из закрытых вечеринок, средь бела дня, в кафе попыталась вторгнуться пара алтуфьевских отморожков-урелов. Лелик Поляков, стоявший на дверях своего клуба, принял на себя их первый наезд, закончившийся смертельным ударом ножом. Леху хоронили на Ваганьковском кладбище, при огромном скоплении рок-н-рольного народа. «Отрадное» закрылось, проработав со дня первого концерта до трагедии около полугода.

А в наш подвал тем временем въехал почти весь цвет московского андеграунда. Рок-лабораторцы, прослышав о том, что у «пионеров с Кутузовского» есть такая роскошная маза, принялась пристраивать к нам свои группы.

Наш аппарат постоянно ломался, и в принципе был хилым и говняным. Мы нуждались в нормальном оборудовании для базы, а у «Наива» был лабораторский аппарат. Таким образом, в декабре 1991-го они уже репетировали у нас. «Ногу Свело» тоже были здесь, (лаборатория навязала нам и их тоже до кучи). Также иногда к нам приезжали «Ва-Банкъ». Мы были только рады. На том этапе нам необходимо было быть в тусе, причем быть в тусе на равных, быть чем-то полезными. Как бы то ни было, мы все равно оставались тинейджерами, и добиться серьезного отношения к нам со стороны бывалых олдарей (а таковыми нам казались тогда все те, кто играл больше года) было сложно.

Проще всего было дружить с Наивовцами. Майк Полешук (R.I.P.) барабанщик «Наива», казался самым компанейским челом, с ним было легко, намного легче, нежели, например, с Русланом Ступиным. Майк знал всех, и все знали его. Он был не только барабанщиком, но еще и очень способным электриком и техником. Он отлично отстроил завезенный аппарат, переделал всю электросистему в подвале. Майк производил впечатление крайне милого парня, своего в любой тусе, веселого и всегда готового подогреть и подогреться. К сожалению, чем дальше, его постоянная готовность подогреться, чаще всего за чужой счет, стала все более и более осложнять общение с ним. Майк дружил с абсолютно разными людьми. Кислотный Герман из «Матросской Тишины» и мощные байкеры «Хирурга», авангардные художники и первые сквоттеры, олдовые московские панки типа Жабера и Саша Скляр – все ходили в Мишиных приятелях. Стусовавшись на первых порах именно с ним, мы также начали вылезать в «свет». Миша всегда знал, где и когда проводятся концерты, и всегда имел мазу проходить по гест-листу и затягивать вовнутрь и нас тоже. На один из таких концертов (в ДК МЭИ на «Авиамоторной») мы как-то с ним и отправились вдвоем. Играли «Матросская Тишина», «Дети Кеннеди» и еще какой-то стафф из тогдашних. По окончании вся туса вывалила наружу и оказалась в плотном кольце очень организованного и серьезного отряда гопоты. Не произнося ни слова, эти мощные парни проводили всю неформальную толпу (тут же сгруппировавшуюся) до входа в метро «Авиамоторная». Так и не поняв, что же им было нужно, мы все, рассосавшись по двум вагонам подошедшего поезда, отправились в сторону станции «Площадь Ильича». Не успев въехать на платформу станции, мы со всей трагичностью врубались, что попали в западню, равной которой по подлости и идеальной организации никто из нас не знал. Как только поезд въехал на платформу (наши несколько вагонов располагались в голове состава), в стекла полетели тяжелые предметы, а на самой платформе обнаружился не то что отряд – вся станция была заполнена крайне агрессивными, орущими «Гопня, вперед!» и бегущими к нашим вагонам крепкими челами разных возрастов.

Их на самом деле было очень много, намного больше, чем нас (среди нас к тому же было немало телок). Несколько сотен, я думаю. Их тактика была абсолютно беспробитна – нам просто некуда было деваться, а им оставалось только ворваться одновременно во все четыре двери метровагона и завалить всех за те три минуты, что поезд идет до следующей станции. Мутант-машинист, вместо того, чтобы сориентироваться по ситуации, по-прежнему притормаживал ход поезда, мы должны были вот-вот остановиться, и каждый понимал, что будет с нами в следующую после полной остановки секунду. Телки визжали в ужасе, никто не знал, что делать. Какой-то чел крикнул: «Держите двери!» – и сам метнулся к ближайшим. Люди кинулись к дверям, в один момент они были заблокированы, но все-таки одна пара дверей открылась.

В них тут же хлынула обезумевшая масса упырей, однако напор их был ограничен, эти уроды даже организовали легкий затор-давку, мешая друг другу просочиться в вагон.

И в эту секунду, телка, которая стояла рядом со мной (мы находились весьма недалеко от злополучных дверей), уставившись на некоего чела в кожаной шляпе и длинном кожаном плаще, проговорила: «У него пистолет!» Наличие гангов в частном пользовании тогда было редким явлением, обладателем пистолета по тогдашним понятиям мог быть либо мент, либо крутейший бандюган. Чувак же не был похож ни на первого, ни на второго. Такой, типа неформал неопределенной ориентации, да еще и олддарь, лет 28–30.

Так или иначе, чел вытащил свою «дуру» (не особо, впрочем, ее запаливая) и двинулся вперед. Мне было не очень хорошо видно, что же произошло дальше, однако успевшие вдавиться в вагон упыри оказались снова на платформе, с нашим «оруженосцем» из поезда вышли еще пара таких же странных чуваков. Состоялся краткий спич. Все это время мы держали двери, но уже для того, чтобы они не закрылись, и наши спасители могли войти назад. При этом мудацкий машинист долдонил по радио свое идиотское «отпустите двери». В итоге они до чего-то договорились, «кожаные плащи» вошли назад, двери были отпущены, поезд тронулся. Как говорят, все массовые скопления молодежи, особенно неформальной, в те времена так или иначе контролировались госбезопасностью. Быть может, «кожаные плащи» были нашими кураторами, случайно попавшими в переделку вместе с «клиентами»?

Вообще, попасть с Майком в ситуацию «хэлп», ситуацию «SOS», было несложно. Миша курил ганджубас и постоянно имел при себе палево.

Как и все «Наивы», он был жирнейшим образом прикинут. Парни имели все, о чем не мог даже мечтать самый продвинутый панк-модник столицы. Макс Кочетков, басист, вернувшись из Штатов после выхода там «Swith Blade knife», привез группе до хуя фирменного панк-стаффа. Чуваки ходили в «родных» (а не рок-лабораторских, как мы все тогда) панк-майках; отлично пошитых, неубиваемых «косых» куртках в нашивах. «Косая», в отличие от ситуации, сложившейся на рынке кожаных изделий через несколько лет, в 91-м году была не просто одеждой. Это был отличительный знак, символ, крайне дефицитный предмет. В России их тогда не пошивали, это можно было купить только за границей. Также у них были «родные», американские «Dr.Martens», настоящие кеды «Converse», которые носились летом. В плане музыкального экьюпмента парни также были экипированы по полной. Макс играл на красном Kramer bass, а у Ступаря был мощнейший Charvel с сытнейшим металлическим звуком.

Ступин был и остается человеком непростым в общении, ты никогда не можешь знать, какую предьяву он сделает в следующий момент и на что зарубится. Руслан очень талантливый музыкант, отличный гитарист и композитор. Ему уже тогда удалось выработать очень индивидуальную технику игры, основанную на смеси глэм-стиля, хард-н-хэви, блюза и панк штурк. Он всегда старался играть разнообразно, и каждый фэн «Наива» может убедиться в этом, прослушав записи группы с Русланом. Он также являлся основным композитором группы с самого начала, и, насколько я могу судить, большинство песен для альбома «Пива для Наива» (сочинение, репетиции и подготовка к записи которого проходила на наших глазах), а также следующей пластинки сочинил именно он. Поначалу Ступин вел себя с нами несколько высокомерно, однако подобное отношение к людям неотъемлемая черта его характера, и с этим невозможно ничего поделать.

Макс Кочетков, или Фэт, как его иногда звали, был на самом деле добродушнейшим толстячком (вернее, крупным парнем). Как и Иванов, он провел детские и подростковые годы в Америке и был по-настоящему подкован в панке, являясь в некотором смысле самым большим носителем этой культуры из всех людей, которых я когда-либо встречал в России. Фэн Ramones и Plasmatics, он имел их альбомы на виниле, и посадил нас всех на это дело. Макс выписывал и, зная английский язык как родной, читал множество американских панк-зинов и сам писал в один из самых авторитетных из них-MAXIMUMROCK'N'ROLL. Частенько Макс был третьим в наших с Мишей вылазках в центр или на концерты. Его также

знала вся туса, мы всегда были желанными гостями везде. Вместе с Шурой «С. Razy» Ивановым он замутил «Наив» в армии, где они собственно и познакомились.

Шура Иванов, вне всякого сомнения, производил из всех наибольшее впечатление. В то время это был весьма оригинальный молодой человек, приехавший на репетиции с книжкой «Sex Pistols. The Inside story» на английском и уезжавший ночью в полнейшую жопу. Начинаящий алкаш и настоящий панк-ребел, умный и безбашенный, беспредельщик и интеллигент одновременно. Он был нереально крут, харизма его не имела границ. Всем хотелось быть рядом с ним, когда он появлялся, всем хотелось быть его другом или хотя бы знакомым и всем хотелось быть таким, как он. Я до сих пор, несмотря ни на какие перипетии в личных взаимоотношениях, люблю его и считаю почти святым.

Как я уже говорил, «Наивы» готовили у нас в подвале свой второй альбом, и присутствие на этих репетициях стало хорошей школой для нас всех. Руслан согласился позаниматься с Воробьем, и очень скоро Димон начал прогрессировать. Постоянно тусуя вместе и проводя много времени на репах, мы крепко подружились, и вскоре концертная связка «Наив» – «Четыре Таракана» стала привычным делом в «Отрыжке» и других местах. Один из таких концертов, где, кроме наших двух групп также выступали «Чудо-Юдо» и «Дети Кеннеди», назывался «День рождения Джонни Роттена». Организовывала этот волшебный фестиваль, а также некоторые другие мероприятия, типа фестиваля «Под елкой», где мы также играли, хрупкая девушка по имени Лана Ельчанинова. В будущем, известный DIY панк-деятель, хозяйка культовых подвальных панк-клубов «Хо Ши Мин» и «Клуб им. Джерри Рубина». «День рождения Дж. Роттена» собрал немалое количество публики, но атмосфера изначально была накалена, как-то все было не очень кайфово. В итоге, в самом начале концерта, какое-то чмо в зале перепилило ножом «фронтальную кишку» (кабель, который подается с пульта на порталы, для звукоусиления в зале), тянувшуюся прямо по полу. Выступать было невозможно, звук остался только на сцене, в комбах и мониторах. Лана была в шоке, народ требовал рок все настойчивее и настойчивее, и тогда Майк предложил развернуть мониторы в зал, дать туда мощи, насколько это возможно, переставить гитарные и басовые комбы ближе к сцене и раскатать их на всю. Таким образом, концерт был хоть частично, (кто-то из групп так и не выступил), но спасен.

Примерно с начала декабря мы начали готовиться к выступлениям на Малой спортивной арене, в концертах-съёмках телешоу 5050. В то время это была популярная программа, формат ее был примерно таков: половина артистов была из топа, другая половина – новички. Музыкально, большая часть выступавших была из поп-тусни, но встречались и редкие исключения. Мы оказались в программе благодаря лоббированию рубановской мамани. Она когда-то училась вместе с хозяйкой шоу в эстрадно-цирковом училище и замолвила словечко за группу сына.

Поначалу нам гарантировали, что «исключительно для нас» в «Лужниках» будет возможность живого подключения, т. е. выступления НЕ под фонограмму. У остальных участников даже не возникало вопроса, для всех них «фонограммные» выступления были обычной практикой их бизнеса. Чуть позже нам все-таки порекомендовали сделать запись 3–4 песен «минус один», т. е. инструменты под «фанеру», а вокал живьем. Мы, стиснув зубы (но до конца не веря в то, что нам все-таки придется прыгать по сцене неподключенными) поехали на студию киностудии им. Горького, где и зафиксировали четыре песни впервые на «настоящей» студии. Это были «Четыре Таракана», «Когда звонит Биг-Бен», переделка вроде бы испанского стандарта «Tico Tico» и «I'll Fuck my king in the Ass».

Нам предстояли более двух десятков выходов на сцену за две недели съёмок (тогда сборные концерты на стадионах могли идти две недели, практически с одним и тем же набором выступавших), по выходным планировалось по два концерта. Компания также подобралась что надо! Светлана Лазарева и «Мальчишник», «Сектор Газа» и «Демарш», «Кар-Мэн»

и Наталья Гулькина. Мы перезнакомились с множеством артистов, причем пафосные и вроде бы заносчивые поп-музыканты оказывались на поверку компанейскими людьми, легко идущими на контакт, и наоборот... После одного шоу я возвращался домой на метро, и вдруг заметил, что в моем вагоне едет еще один участник концертов, чувак из «Мальчишника» (все мы его знаем теперь под именем Дельфин). Я на бодряке пересел к нему, с телегой сорта: «Привет, ты что, тоже, где-то по этой ветке живешь?» Ха! Чувак покосился на меня, плюнул сквозь зубы что-то малоразборчивое и пересел на другой диван. Хуйли, они уже стояли в начале большого пути, ходили под Айзеншписом, и все такое. Он мог и не опознать во мне участника тех же концертов, в которых выступал он. Легко мог подсесть на измену, типа той, на которую сейчас подсаживаюсь и я, когда ко мне в метро подходят нетрезвые челы с целью узнать, а не Дима ли часом меня зовут.

ОК, в «Лужниках» мы чувствовали полнейшую свободу для панк отрыва и беспредела, чем собственно и занялись. По прошествии примерно половины концертов нам начали делать замечания, настойчиво предлагая «не хулиганить».

Мы не слишком прислушивались к этим просьбам, тем более что, несмотря на общую разруху и нищенство царившие в стране, в баре «Лужников» продавалось отличное немецкое баночное пиво, а некоторые наши соседи по гримеркам иногда имели при себе добрую ганджу. Кстати, именно в туалете нашей гримерки я впервые накурился в полнейшую жопу. Я и до этого пробовал хэш (особенно после знакомства с Майком Полещуком), но как-то не торкался особо, или может быть, стафф был слабоват (хотя все остальные очень даже веселились). Но тут я реально пронюхал кайф. Мне напрочь сорвало башку, я ржал час, и не имел никакого представления о том, как я могу в таком состоянии появиться на сцене. И все-таки мне пришлось туда идти, администрация мигом просекла фишку, и после окончания нам нефигово вломили. Упиваясь и накуриваясь, мы выходили на сцену в одолженных у солдат-охранников шинелях, мы менялись инструментами и местами на сцене, иногда мы выходили вообще без инструментов, или прекращали «обезьянничать» прямо по ходу «исполнения» песни. Администрация не могла нас снять с программы по ходу движения. Им были нужны наши барабаны, которые мы выставили на сцену для использования всеми теми, кто хотел бы изобразить «игру» на живых ударных, но они пообещали сделать все, чтобы мы не оказались в телеверсии шоу, и в такой же серии выступлений в Питере. Так оно собственно и произошло, в Питер мы не поехали. Кроме этого, мы еще и потеряли вокалиста. Ленин был не в восторге от всего того беспредела, что мы творили в «Лужниках». Он искренне верил, что эта тухлая тусовка может стать реальным трамплином для банды к будущим высотам, а мы бездумно проебываем этот уникальный шанс. Юра был идеалистом и наивным, впечатлительным юношей, без капли необходимого в панке цинизма (хотя на людях играл очень и очень циничного ублюдка). Однажды мы с Рубаном нашли в нашем подвале Юрину записную книжку (ту, в которую он записывал новые тексты и тому подобное), и от не хуя делать решили ее полистать. То, что мы в ней обнаружили, потрясло нас до глубины души! Юра составил план на ближайший год. Он так и назывался: «План на год». Что вы думаете, входило в этот план?

«План на год»

Одежда:

- 1. Банданы с черепами — 3 шт.**
- 2. Казаки.**
- 3. Длинный хаер (?!)**
- 4. Майки.**
- 5. Темные очки (!!!)**
- 6. Кожаная жилетка.**

Вещи:

- 1. Струны для гитары — 3 комплекта.**
- 2. Харли-Дэвидсон**
- 3. Все альбомы Poison -записать!**
- 4. Своя студия (???!!!!!!!)**
- 5. Ящик Jack Daniels. (На год?)**

Музыка:

- 1. Альбом на компакт-дисках.**
- 2. Сольное шоу в «Лужниках».**
- 3. Тур с Guns'n'Roses.**
- 4. Фанатки (!?!?!???????)**

Я, конечно же, не могу восстановить в подробностях содержание этого уникального документа, может быть, что-то и утрирую, однако сам факт! Нет, нормально?! Человек, с которым мы до сих пор с легкостью находили общий язык, с удовольствием исполняли его песни, не видя ничего в этом странного, вдруг составляет такой вот план. Короче, по прошествии нескольких недель после окончания нашей лужниковской эпопеи Юра объявил о своем уходе. Он полностью разочаровался в панк-музыке, перестал видеть в ней смысл и получать удовольствие от ее исполнения. И это чел, который чуть не раскрошил ебало Валентинычу за то же самое годом ранее! Юра ушел делать глэм-проект, который поначалу назвал Humpty-Dumpty, потом эта банда трансформировалась в ансамбль под названием Lady's Man. Вся лирика группы была на английском, вот типичная цитата: «Don't Stop me baby tonight / oh,o-yeah! All right!» Музыкально это был уже несколько устаревший к тому

моменту псевдостадийный глэм-н-ролл, в духе Warrant, Poison и L.A. Guns. Юра не хотел понимать, что эра глэм-позеров давно прошла, и то, что по советскому телевидению всю крутят восставшего из небытия Alice Cooper, и Jon Bon Jovi с его «Blaze of Glory» (сравните, кстати, вступления этой песни и наивовской «They are Monsters and We are Not»), является всего лишь свидетельством отсталости этого самого телевидения. Lady's Man существуют и по сей день. Пытливое око может вычислить их имя в списках малоизвестных и беспонтовых групп, в товарных количествах заполняющих клубы типа Табула Раса в понедельник и вторник. За эти годы через Юрину группу прошло огромное количество музыкантов. В 95-м, очередная ритм-секция, свалившая от Юрца, организовала группу Mad Dog. Я не знаю, где сейчас Ленин и чем он занимается. Я не встречал его уже несколько лет.

ОК, как бы то ни было, после Юрино ухода мы горевали не очень долго. Прямо скажем, вообще не горевали. Мы уже знали того, кто придет на замену, и с этим парнем проблем не возникло. Денис Петухов, друг и сосед Ленина по дому, стал нашим новым певцом и основным автором на ближайшие два года. Пит, как его стали называть все чуть позже с подачи Ступина, оказал огромное влияние на группу, именно с ним в составе мы приобрели зачатки того стиля и звука, которых в дальнейшем придерживались.

Денис был парнем из очень приличной и уважаемой семьи. Его отец, Александр Петухов, был известным музыкантом, главным дирижером симфонического оркестра Центрального телевидения и Всесоюзного радио. Сам Пит с детства учился музыке, сначала в крутой музыкальной школе (из разряда тех, в которых дети находятся целый день, а не ходят два раза в неделю после уроков в школе общеобразовательной), потом – в музыкальном училище.

Из училища он был изгнан за бухло и беспредельное поведение. Вообще, алкоголь с ранних лет стал близким другом для Пита, он выпивал неумеренно и все подряд. Академическое (пусть и не очень оконченное) музыкальное образование в миксе с бунтарским характером и тинейджерскими панк-взглядами давали мощнейший результат. Фэн Хармса и Зощенко, Довлатова и Булгакова, Пит обладал искрометным и острым умом, а также феерическим чувством юмора. В отличие от Ленина он отлично выглядел, имея много стильных, ни на кого не похожих вещей (в числе прочего, он также был счастливым обладателем настоящей американской 150-долларовой «косой»).

Денис оказался идеальным фронтмэном для такой панк-группы, как наша. Бунтарства в нем было столько же, сколько и музыкальности, а значит, мы могли делать более мелодичный стафф. То, что чуть позже получило стилистическое определение «поп-панк». Мы называли это мелодичный панк, или панк в духе Ramones.

Ramones! Ramones были недостижимой высотой. С тех пор как мы впервые услышали их, мы сели плотно, и как оказалось, на всю жизнь. Вы можете считать меня ебнутым, можете думать все, что угодно, но я действительно горжусь тем, что застал их живыми. Что целых три своих альбома: «Mondo Bizarro» '92, «Acid Eaters» '94 и «I Adios Amigos!» '95 они выпустили и для меня.

Они были всем. Мощью и духом, сердцем и душой, мелодиями и стилем. ВСЕМ!

Я – больной человек. Я – тупой фанат Ramones. И я скажу честно – меня мало ебет рок 80-х. Еще меньше – рок 90-х. Мои любимые панк-группы – те, что снимают Ramones или играют в их духе. С тех пор как я услышал их (моими первыми альбомами Ramones были «Road to Ruin» '78 и «Animal Boy» '86), музыка перестала существовать. Остался панк-рок.

3. You're left your home, you left your parents...

Пит слушал огромное количество разной музыки. С собой он принес множество новых для нас имен. Именно от него у нас появились альбомы групп с Alternative Tentacles, все эти D.O.A., No Means No и Butthole Surfers. Мы также поближе узнали Clash и другие группы первой английской волны. Кроме всего прочего, Денис увлекался американским хардкором. У него были записи Black Flag, Fugazi, а также всяких «странных» групп типа Husker Du.

Первая песня, которую Пит предложил сделать в группе, оказалась «Freedom». Она, как и все последующие сочинения Петухова, имела более сложную гармонию, нежели все наши предыдущие опыты, мелодию совсем другого типа по сравнению с песнями Ленина, и хоть какую-то аранжировку. Теперь мы делали песни абсолютно другим образом. Репетиции, которые до прихода Дениса сводились к тупой прогонке имеющегося материала и разучивании структуры новых вещей, стали более глубокими и результативными. На самом деле мы учились играть, учились звучать вместе как настоящая, хорошая рок-группа. Пит чувствовал это нутром, к тому же врожденная и приобретенная музыкальность позволяла ему видеть и слышать все недочеты и лажи, которые нам прежде не бросались в глаза. Песни стали другими, и они требовали нового подхода. Как правило, Денис имел готовую головную мелодию, примерное представление о том, в каком духе должна быть сделана вещь и некоторые предложения по аранжировкам. На репетициях он помогал остальным играть более разнообразно и технично, предлагая либо готовые партии, сложившиеся в его гениальном мозгу, либо внося предложения по ходу исполнения той или иной песни. Из новых вещей практически исчезли гитарные соло, которых, правда, и раньше было немного, появилась другая мелодика, а группа начала приобретать более или менее законченный оригинальный вид.

Пит принес вещи типа «Home Sweet Home», «Time has passed» и «Мне плохо с утра», кавер которой через десять лет Distemper записали на альбоме «Нам по...». Такие быстрые, скоростные хардкоры, как «Мне плохо...» всегда отлично принимаются на концертах и достойно располагаются на альбомах. Все шло отлично, кроме одного – у нас не было текстов и не было такого чела в группе, кто мог бы делать крутую английскую лирику. С русскими текстами мы справлялись сами, а вот английские делать не могли. Выход был найден тут же, на месте, в собственном подвале. На репе «Ногу Свело» с недавних пор стала ездить малюсенькая курносая девчонка Аня. Аня, или как все ее называли, Анечка, пела в отличной банде «Сенкевич International» («Иванушек» тогда еще не было и в помине), в совершенстве знала почти все европейские языки и помогала с иноязычными текстами «Ногу Свело». Все «нерусские» тексты на альбоме Н.С. «Хару Мамбуру» ее авторства. Мы попросили Аню помочь и нам также. Процесс был организован следующим образом. Мы исполняли песню на репе в ее присутствии, она что-то писала в блокнотике, (наверное, одной ей известным способом отмечала ритмику вокальной линии и количество слогов в мелодии), позже мы садились вместе и рассказывали ей, о чем мы хотели бы получить текст. В других случаях мы давали целиком готовый русский вариант «в прозе». Просто написанные на листе, не зарифмованные, разной длительности предложения, сгруппированные в куплеты и припевы. Таким образом, мы получили лирику для песен с будущего альбома «Duty Free Songs», таких как «Home Sweet Home», «Time has passed», «Freedom», «One World» и «Acid Song». Обычной практикой для нас в те времена было иметь в репертуаре достаточно долгое время песни на так называемой «английской рыбе». Так делали и «Наив», и «Ногу Свело», и все, кто пытался сочинять на других языках. Песни, полностью аранжированные и разученные группами, абсолютно «готовые к употреблению», исполнялись на концертах, а иногда и записывались на демо с невообразимым набором англо-звучащих слов и слогов, ничего

на самом деле не значащих. Как правило, музыканты заморачивались на написание текстов непосредственно перед записью. Так было и с нами. Например, ставшая в будущем популярной у фэнов песня «Мальчики-Танчики» долго не имела русского текста и репетировалась с «рыбой». Текст на нее был сочинен за несколько дней до записи. Похожая история была с одной из песен ленинского наследия, «Под потными обоями». Правда, текст к ней уже давно был сочинен, но не особо устраивал. Тогда Пит объявил конкурс – «тот, кто к завтрашнему дню сможет сочинить новый вариант, получает бутылку бухашки». Сочинил он. Ему это было важнее остальных, ведь завтра он должен был записывать на студии вокал для этой песни. «Time has passed», или как мы ее называли в «рыбий» период ее жизни, «Гитлер» (не знаю почему, но именно такие зловещие ассоциации она у нас вызывала) была сочинена Денисом сразу же после первого прослушивания невесты откуда взявшегося альбома новой модной американской группы «Nirvana». Альбом под простым названием «Nevermind» (и никаких the Bollocks, заметьте!) очевидно, попал к нам из Давыдково, где местные продвинутые чуваки уже с месяц примерно гудели о нем. Выпущенный совсем недавно, за полгода до того как мы услышали его первый раз, альбом просто потряс всех (правда, на очень недолгое время). Люди играли панк (слова «грандж» тогда еще не было). Чуть позже этот стиль стали называть «сиэтлским роком» или «хиппикором». Мощные и грязные куски перемежались тихими и ласковыми. Гитары с барабанами то валили, то вдруг начинали звучать тихо и разряженно. Группа имела отличные мелодии на странных гармониях, певец пел исключительно эмоционально, все песни на альбоме казались мощнейшими хитами. Ко всему прочему, эти парни ввели в моду неслыханные до этого ритмические рисунки, и барабанщики бросились спешно разучивать их. «Time has passed» как раз сочинена на одном из таких рисунков, наиболее распространенном.

ОК, у нас был материал на альбом, но мы не знали, как мы его будем писать. Все наши знакомые «большие» группы писались либо за свой счет, либо за счет спонсоров. Ни о какой рекорд индустрии в 1992 году в России речь попросту не шла. Поп-артисты и артисты «большого русского рока» имели возможность записываться и издаваться на нескольких возникших тогда фирмах грамзаписи, самой большой из которых был «Союз». Даже металлисты, несмотря на то, что металл-эпоха уже практически закатилась, издавали пластинки (тогда еще винил) на нескольких фирмах. Но панк, хардкор, пост панк, индастриал и прочий индипендент не имел никаких возможностей для записей и распространения. Кроме того, самого способа, вокруг названия которого, сейчас вдруг стало ломаться столько копий. Я говорю о «DIY», хотя вряд ли мы тогда знали, что то, чем мы собираемся в скором времени заняться, имеет такое звучное английское название (да еще и аббревиатурой!). Не знали мы также и о том, что «самописка» и домашнее тиражирование с ксерокопированными вкладками – это целая идеология, со своими традициями и неписаными законами. Все что мы знали – это только, что нам необходимо где-то рубануть долларов 200 на запись. 200\$ – смешная сумма в наши дни, в 92-м были огромными деньгами. Примерно столько стоила месячная аренда двухкомнатной квартиры на Кутузовском. Некоторые наши тогдашние друзья принялись промышленно «риэлтерством», поэтому я в курсе цен. Сейчас вы при всем желании не снимете подобные апартаменты дешевле, чем долларов за 800, а может, и весь штуцер придется отдать. Мы все работали тогда ночными продавцами в коммерческих ларьках, но о том, чтобы приподнять лаванды на запись на этой работе речь даже не шла. Работать в ларьке по тем временам означало постоянно иметь перед глазами дорогую хозяйскую бухашку и сиги, вкус которых очень хотелось попробовать. Также, каждую ночь, к тебе в ларек стучались веселые друзья, не занятые на «службе», которые заваливали внутрь с желанием начать эту самую экспенсив бухашку немедленно бухать, а сиги – курить. Магазин приходилось закрывать, и, соответственно, терять на проценте от недополученной выручки, а потом еще и отдавать из зарплаты за выпитое. Нет, писать альбом на прайс, заработанный в ларьке не

было никакой мочи. Таким образом, нам пришлось думать об альтернативных источниках финансирования нашей эпохальной записи. Краем уха мы слышали, что на грядущую запись наивовского «Пива для Наива» деньги собирались всем давидковским миром. У нас таких друзей почти не было. Все наше окружение состояло из людей попроще и победнее, кроме того, у нас на районе не было столь мощного панк- и рок-сообщества, каким в наших глазах тогда выглядела давидковская туса. Нам было необходимо найти кого-то, кто ссудит нам прайс, на спонсорских ли условиях или в качестве безвозмездного дара – неважно. Таким человеком оказалась наша дворовая подружка, Мария Уссаторе-Кановас, или просто Маша, как мы ее называли. Маша была человеком трудной, но интересной судьбы. Ее мама, дворовая алкоголичка тетя Лара, в молодости бывшая неопикуемой красоткой, вышла замуж за испанского подданного, Хуана Уссаторе-Кановаса, за что получила во дворе кликуху Хуанита. Маша родилась в Барселоне и по большому счету не особо чувствовала себя россиячкой. Она имела огромный прайс, оставленный папой-испанцем после его смерти. Прайс этот, правда, находился на счетах в Испании, и находился так хитро, что Маша не могла добраться до бабла до достижения какого-то там возраста, типа 21-го года. Хорошо еще, что деньги были оформлены на нее, а не на маму, иначе давно были бы пропиты Ларисой и Ларисиными щетинистыми дружбанами Сэмэном и дядей Вовой. Маша также имела дом в Барселоне и две квартиры в рубановском доме, одна из которых постоянно сдавалась туристической фирме под офис, а во второй Маша проживала с мамой. Не знаю как, но мы убедили ее в том, что ей необходимо расстаться с парой сотен грин в нашу пользу. А! Вернее знаю, то есть отчасти догадываюсь. Наша испанка была влюблена в Петухова и ссудила нам прайс без особых раздумий.

Мы были готовы к записи как творчески, так и материально. Была найдена скромная студийка в районе метро «Белорусская», все было ОК. За несколько дней до начала записи нашего первого альбома Рубан решил поменять весь грин на рубли. В то время около немногочисленных пунктов обмена СКВ тусовала тьма дилеров, которые всегда давали намного больший курс, нежели пункты. Куда они потом девали весь этот нал, купленный у людей по явно завышенному курсу, было не ясно. По крайней мере, продать его кому-то еще, по большому курсу было нереально. Блин, надо было поподробнее расспросить Иванова, он как раз промышлял тогда этим делом (правда, не у пунктов СКВ). Также эта туса была известна тем, что клиент мог быть легко кинут, причем кучей разных способов... Практиковалось обычное кидалово лоха, «ломка» кэша, причем такая искусная, что клиент порой замечал кидняк только дома. Плюс к этому: «куклы» из нарезанной бумаги, старый грин, вышедший из употребления, подклеенный грин (это когда к десятидолларовой банкноте подклеивается нолик с обеих сторон, и она выглядит типа как сотенная). Короче: Рубан вместе с одним нашим корешем отправился в ближайший такой пункт. Поначалу все шло неплохо. Пункт давал один курс, тут же возникший как из-под земли дилер давал курс намного лучший. Почему-то люди, наслышанные о кидалове, много о нем читавшие и несколько раз предупрежденные, все равно считают, что с ними как раз ничего подобного произойти не может. Лохи – не мы. Вернулась делегация доллароменяльщиков на немислимых бодряках. Все остальные, ожидавшие их во дворе, кинулись узнавать, как прошел обмен. Как оказалось, обмен прошел на высшем уровне, теперь у нас масса рублей, намного больше, чем было бы, если бы они поменяли все в этом мудацком официальном пункте. Как все охуенно звучит, пока ты не решаешь пересчитать полученный в результате обмена кэш. Денег оказалось в пять (!) раз меньше, чем предполагалось. Как это произошло, никто толком не мог объяснить. «Вы пересчитывали?» – «Да, мы пересчитывали.» – «Сами?!» – «Да, сами.» – «Сколько раз?» – «По два каждый». Короче, весь этот бессмысленный набор вопросов, который только могут выдать люди, так подло обманутые в лучших надеждах. Полчаса назад у нас был альбом, охуенный альбом, наш первый. Альбом, составленный из крутых, мощных и мелодичных

песен. Пиздатеише записанный, на настоящей студии. Теперь у нас не было ничего. Так тупо и бездарно проебать первый же, почти магическим образом нарулившись шанс! Мы все были потрясены, Рубан вообще находился в глубочайшем шоке. Как мы будем писаться на эти гроши? Что мы скажем Марии, когда та вернется из очередной поездки на историческую родину и спросит, как мы тут освоили ее кровное бабло? Безмозглые тинейджеры, мы просто взяли и добровольно отдали в чьи то ловкие руки наше возможное будущее!

Это был полный пиздец, мы не знали, что делать. Рубан, как главный виновник произошедшего, пообещал единолично исправить ситуацию. Однако все понимали, что столько денег ему взять просто неоткуда, мы были одинаково нищие, причем ситуация Дениса была еще похуже нашей. Мы все, по крайней мере, жили с родителями, он же жил с бабушками, которые при всем желании не смогли бы ему помочь. Однако Рубан действительно смог возместить часть утраченного, продав какие-то бабкины драгоценности и нарыв бабла еще каким-то способом. Каждый из нас также рвал жопу и добывал средства. Тогда только-только прошла так называемая «чубайсовская приватизация», всем выдали ваучеры – типа персональной доли в имуществе государства. Люди парились на тему, куда бы пограмотнее вложить эти ваучеры. Говорили, что за очень короткий срок они вырастут в цене, и тогда каждый сможет нехуево подняться. Мы вложили свои ваучеры в альбом, просто продав их. И в конце концов действительно нехуево поднялись.:-).

В итоге мы набрали сумму, на которую, ужавшись и делая на студии все оперативно, можно было попробовать что-нибудь записать. Таким образом, мы отправились на студию с настолько малым бюджетом, что говорить о какой-то вдумчивой и тщательной записи и последующем сведении не приходилось. К записи альбома мы приступили в августе 92-го, рекрутировав к себе в помощники Майка Полещука. Майк к тому моменту записал два альбома «Наива» в качестве звукорежиссера и саундпродюсера, и лучшего человека за пультом мы себе просто не могли вообразить. Опытный панк-музыкант с отличным вкусом, к тому же врубающийся в процесс и знающий технику – вот каким набором качеств должен обладать человек, садящийся за пульт на записи первого альбома начинающей панк-группы.

Писать решили 11 песен: «Четыре Таракана», «Шилов вернулся», «Под потными обоями (Песня о жизни)», и «Крыса» оставались от Ленина. «Freedom», «Time has Passed», «Home Sweet Home», «One World», «Acid Song», «Мальчики-Танчики» и «Мне плохо с утра» были нашими собственными песнями, сочиненными в основном Петуховым. Майк отлично помог нам с записью барабанов, отстройкой звучания инструментов и их балансом в миксе. Однако с самого первого дня на студии Миша постоянно вмешивался в вопросы аранжировки и подачи некоторых вещей.

Именно последовав его совету, мы записали в «Freedom» акустическую гитару поверх дисторшн-гитар, много рояля (Пит всегда был отличным клавишником) и сквозной октавный интервал в основной вокальной партии. Таким образом, песня получила весьма странное звучание, немного глэмное, с кивком в сторону Guns 'n' Roses, одной из любимых групп Миши. В «Time has Passed» мы планировали нарулить сырой и тяжелый звук, что-то среднее между хэви и гранджем. Мише же такое решение не казалось верным, в итоге мы получили то, что получили. Простые панк-песни типа «Крысы» выходили проще. Мы навставляли везде, где только можно, живые и «машинные» «клэпы», а также рамоунзподобные (как нам тогда казалось) бэк-вокалы.

Работали мы быстро, постоянно помня о, мягко говоря, ограниченном бюджете, поэтому особо не парились на лажи и кривости. Результат был получен соответствующий, и каждый, у кого есть дома «Duty Free Songs», может в этом убедиться сам.

В последний день сведения на студии случился комичный случай. Мы купили бокс ганджи у немых на Белорусском вокзале, и еще какого-то бухла типа «Вермута». Я, как человек не очень занятый в процессе, насел на оба кайфа, в результате чего получил первую в

своей жизни сильную интоксикацию. Меня мотало и болтало по всей студии. Цвет моего ебальничка не оставлял окружающим никаких надежд. Жуткие «вертолеты» налетали со всех сторон, как только я прикрывал глаза, а прикрыть их мне хотелось ежесекундно. Сердце вырывалось наружу. Наконец мне удалось выбраться из студии во внешнее помещение, где я случайно наткнулся на тетеньку в белом халате. Тетенька, мигом оценив мое состояние, предложила мне испить чудо-лекарство – корвалол, разведенный в теплой воде. Реакция юного организма не заставила себя ждать. Так сильно я не блевал еще никогда. Тетенька успокаивала меня, блюющего, объясняя, что «корвалол в теплой воде завсегда так действует» и она типа специально его дала, чтобы мне полегчало таким образом. Посвежев и повеселев, я вернулся на студию, где случайно разьебал студийный телефонный аппарат. Почему-то этот эпизод оказал на хозяина студии решающее воздействие. Человек просто отказался отдавать нам мастер-пленку с готовым альбомом до тех пор, пока мы не принесем ему на студию новый аппарат. Эпопея по добыче аппарата растянулась еще на несколько недель. Купить мы его не могли из-за полного отсутствия прайса, отдать домашний аппарат кого-то из нас тоже не представлялось возможным. В итоге после нескольких неудачных попыток и жутких измен (ганджа к тому моменту стала нашей близкой подругой. Мы проводили в ее компании все дни напролет) аппарат был украден из какой-то совковой конторы типа ДЭЗа.

Итак, несмотря на препоны и страдания, неопытность и сопротивление внешней среды, альбом был записан. Теперь его следовало как-то издать.

Как я уже говорил, тогда в России не существовало лейблов, которым мог бы быть интересен альбом с такого сорта музыкой. Все, что нам оставалось делать – это только тиражировать запись в домашних условиях и распространять полученные копии самим. Одна из первых публичных ксерокс-контор (до этого ксероксы были секретными аппаратами и стояли лишь в некоторых организациях, не все сотрудники которых имели доступ к этим машинам) «Rank Xerox» открылась прямо напротив, на противоположной стороне Кутузовского. Мы стали постоянными ее клиентами. Коллаж для обложки сделал Рубан, он также сделал первое лого группы в «киднеппинг» стиле. Не помню, где мы добывали чистые кассеты в эпоху тотального дефицита, однако где-то добывали. Ксерокс ксерил нам односторонние обложки в один цвет, кассеты закатывались на бытовом рубановском двухкассетнике. Таким образом, нам удалось распространить пару сотен кассет за год или полтора, в основном раздаривая их друзьям, товарищам, другим музыкантам и всем кому ни попадя. Мы продавали по 3–5 кассет в месяц через единственный в то время магазин рок атрибутики «Давай-давай», (интересно, сохранилась ли у кого-нибудь хоть одна такая кассета, и что делают сейчас наши покупатели 11-летней давности?) и через DIY дистрибьюцию Ланы Ельчаниновой, которая к тому времени открыла очередной клуб. Клуб под названием «Клуб им. Хо Ши Мина» располагался на Профсоюзной, в невысоком сером здании около будущего клуба «Свалка». Осенью 92-го в «Хо Ши Мине» состоялась незабываемая вечеринка, с участием американского панк-миссионера, чела удивительной судьбы, Донни Панка (Donny the Punk). Донни занимался тем, что, путешествуя по миру, находил в больших и малых городах Европы локальных панк-активистов, и с их помощью организовывал встречи с местной неформальной общественностью. Вечеринки имели вид того, что сейчас назвали бы «spoken word show». Донни, находившийся в культуре с самого начала (на момент его российского визита ему было лет сорок), лично знал чуваков из Pistols, Ramones, New York Dolls, Dead Kennedys, Butthole Surfers. Зарождение, расцвет и упадок первой волны проходил на его глазах. На его глазах и с его участием начиналось становление DIY хардкор сцены. Также Донни был активным распространителем вегетарианских и веганских идей и зинов. Один из них, со слоганом на обложке «I don't eat the animals and animals don't eat me» до сих пор хранится у меня дома. Донни побывал в столицах прибалтийских государств, потом в Питере и, свя-

завшись с «Наивами», приехал в Москву, где ему и была организована вечерина. Донни снял дешевую хату в Давыдково на несколько дней, и шастал по району, распугивая бабушек и детей. Представьте себе достаточно крупного сорокалетнего мужика, (внешне охуенно напоминающего Элтона Джона) в убитой «косой», уклеенной частично отодранными стикерами, в безразмерных черных штанах и с наполовину выбритой башкой. За спиной – немыслимый для нас по тем временам бэг, на груди – огромных размеров «Nikon». Все тело Донни было выбрито в шахматном порядке. Типа левая нога лысая – правая волосатая, правое яйцо лысое – левое волосатое и так далее до волос на голове. С ним путешествовала его герлфренд, сморщенная панк-тетушка по имени Банни. Банни не выносила табачного дыма и тусовала в зале в желтом респираторе с лимонным флавором. Марихуану Банни курила за троих.

В небольшой «хошиминский» зал поднабилося достаточное количество центральной панкоты, Донни вышел на сцену, Андрей Павлов (тогдашний директор «Наива») переведил. Поначалу Донни пустился в пространный рассказ о зарождении сцены, о том, как он ходил в СВGB в 76-м на первые концерты Ramones, о культурных, социальных, политических и музыкальных предпосылках зарождения панка. Особенный акцент чувак сделал на том, что вопреки распространенному мнению, которое насаживают английские журналы типа NME, панк зародился не фига не в Англии, а в Америке, где еще в конце 60-х было множество групп, выглядевших и звучащих в панк-ключе. Донни рассказал пару веселых и занимательных историй его встреч и знакомств с участниками многих знаменитых панк-банд и продемонстрировал большую коллекцию раритетных маек (в основном Sex Pistols). По окончании он учудил следующую штуку. Он обратился к аудитории с кратким спичем сорта: «Панк – это полное раскрепощение. Полная свобода чувствовать так, как ты хочешь чувствовать вещи, и делать то, что ты считаешь нужным. Я предлагаю вам проверить самих себя на предмет полного раскрепощения. Обычный человек должен приложить достаточные усилия, чтобы смочь насать на другого человека. Вы – панки. Сможет ли кто-нибудь из вас поссать на меня?» Увидев, что аудитория оказалась в небольшом замешательстве, Донни пояснил, что готов платить пять грина каждому, кто совершит с ним подобное, плюс проплатит закупку пивчаги, дабы стимулировать мочеотделение у желающих. Тут, конечно, случился ажиотаж и даже некоторая давка. Пипл как с цепи сорвался. Люди хватили деньги и бежали в ларек за пивом. Донни в сопровождении подружки и Андрея спустился в туалет клуба, где, раздевшись до трусцов, залег на грязный кафельный пол. Банни должна была снимать все это дело на фото. Алчные панки засасывали пивчагу литрами, боясь, что пяти-долларовая халява быстро кончится.

Я видел людей, которые, поссав на бедного Донни единожды и получив свой гонорар, тут же занимали новую очередь, накачиваясь мочегонной мутью прямо не отходя от кассы. Не знаю, раскрепостился там кто-нибудь или нет, но на бабос народ поднялся, это точно. Донни был доволен и потом рассказывал, что в Питере никто из панков не захотел поссать на него, и лишь умалишенная старушка, проходившая мимо, согласилась удовлетворить его просьбу. Таким был визит старого американского панка в Москву.

Мы тем временем все чаще и чаще выступали в «Хо Ши Мине», с бандами типа «Чудо-Юдо», «Пурген», и нашими давыдковскими корешами – Apple Core. В Apple Core играли парни, с которыми мы крепко сошлись и быстро подружились. Леха Сучков, по кличке Сучок, веселый и душевный парень, играл на басу и пел, Макс Шарик был гитаристом, и Серега Шайтан барабанил. Apple Core играли мощную музыку, жесткую смесь классического трэш-металла, кроссовера и хардкор-панка, с ориентацией на M.O.D., S.O.D., Anthrax, D.R.I. и группы подобные им.

Мы играли с Apple Core часто, практически каждый концерт осенью-зимой 92-го мы давали в паре. Вскоре парни взяли в состав певца (Леха сфокусировался на басу), их давнишнего приятеля Славу Хомича по прозвищу Пипа. Пипа был отличным певцом, супертех-

ничным и опытным. С ним в составе Apple Core все больше и больше начали уклоняться в сторону мелодичной альтернативной музыки, оставляя при этом в аранжировках место и для металла. Пипа с одинаковой убедительностью мог рычать, пищать, выпевать сложнейшие мелодические куски с обилием очень высоких и очень низких нот. Парни стали звучать почти как Faith no More, с грандж-элементами и фанк-вставками в духе только вошедших в моду Red Hot Chili Peppers.

Со временем мы сошлись с Сучком очень близко, и до самого дня его смерти, зимой 99-го, он оставался одним из самых лучших моих друзей.

Мы продолжали репетировать в подвале. Кроме «Наива» и «Ногу Свело», мы также пустили в подвал Apple Core, и группу бывшего басиста «Кутузовского Проспекта» (и одного из будущих басистов «Четырех Тараканов») Санька «Пэпа» Потапова. Его банда звалась «Большой Обман». Также через каких-то приятелей мы познакомимся с вполне уже взрослым парнем, которого звали Олег. Чувак, выглядевший лет на 35 («олдарь», по нашим тогдашним понятиям), недавно переехал в Москву из Киева. Обладая классическим, консерваторским музыкальным образованием, профессиональный бас-гитарист, он мечтал сделать в Москве свою банду и искал людей, желающих играть с ним в металл-группе, а заодно – базу для репетиций. Когда его группа была сформирована, мы также пустили его репетировать к нам. По прошествии нескольких лет Олег стал известен как «Черепак», а его новая, уже панк-группа, стала зваться «АЗЪ».

Мы много играли в то время, стараясь заряжаться во все мыслимые и немыслимые дыры. Оставшиеся в живых сохозяева «Отрыжки» открывали новые места, каждое из которых не могло протянуть и несколько месяцев. В конце концов, было объявлено, что в скором времени эти люди откроют на Соколе стабильное заведение, сделанное по образу европейских рок-клубов. Клуб, получивший название «SEXTON FO.Z.D.», действительно заработал в скором времени.

«Секстон» был на самом деле реальным местом, круто сделанным и очень стильным. Клуб мигом наполнился нужной и очень теплой атмосферой. Они делали по 2–3 разных концерта в выходные и по одному (иногда также по два) концерта в будни. «Секстон» не нуждался ни в рекламе, ни в промо. Нужные люди сами находили дорогу туда, а фэйс-контроль осуществляемый байкером из Night Wolves по кличке Квадрат, обеспечивал спокойствие внутри.

Мы выступали в «Секстоне», играя с группами нашего уровня, иногда – как часть связки «Ва-БанкЪ» – «Наив» – «Четыре Таракана». Фэны, ходившие на такие концерты, принимали нас очень тепло. Люди знали некоторые песни, кое у кого был наш альбом, к тому же мы играли много каверов Pistols и Ramones, а людям это нравилось. Также как и в «Отрыжке», секстоновский зал был отделен от сцены металлической решеткой, и фэны в экстазе прыгали на нее и карабкались вверх. Удивительное зрелище – ты играешь, а прямо перед тобой, в воздухе, в вертикальном положении висит несколько орущих рыл.

Также концерты шли в подвальчике хошиминовского клуба и иногда – в некоторых ДК. Лана Ельчанинова делала зимой два мощных феста, один в декабре, Панк-фестиваль «Под елкой», и второй – 2-го февраля, в день рождения Джонни Роттена из Pistols. И хотя сцена в последнее время весьма укрепилась, стала разнообразной и мощной, тем не менее, публика стала исчезать. Я и сейчас не могу с точностью назвать причины такого оттока людей от андеграундного, клубного рока. Если на концерты в «Отрыжку» людей собирали одной, зачастую рукописной афишей на дверях офиса «Рок-лаборатории» (и было-то это меньше года назад), то теперь приходилось убивать город афишами и брать билеты на реализацию у организаторов концертов. Я знаю, что такая практика организации клубных мероприятий существует до сих пор, однако очевидно, что сейчас это происходит из-за нежелания некоторых нечистоплотных клубных промоутеров работать, просто делать свое дело. Мы всего

два раза участвовали в концертах, где для того, чтобы выступить, было необходимо распространять билеты среди своих друзей. Тогда это было насущной необходимостью. В огромной Москве существовал один-единственный рок-клуб, а организация концертов в ДК уже начала стоить огромного бабла. Наступила пора полупустых залов и концертов для 17-ти билетников и 10-ти приглашенных. Фестивали собирали немыслимые разностилистические солянки. Организаторы, не имея возможности чутко реагировать на изменившуюся ситуацию, прогорали и уходили из этого стремного бизнеса. Жизнь почти встала. Выступать в «Секстоне» каждую неделю было невозможно, и тенденций к улучшению ситуации не наблюдалось.

Тем временем, «Ногу Свело» были готовы записывать новый альбом. Парни много работали, парились над аранжировками, потихоньку начинали думать о духовой секции в составе банды. Все песни были суперскими, однако ничего не предвещало столь мощного взлета, который, как оказалось, уготовил им «Хару мамбуру».

«Наив», записав и выпустив на виниле «Пива для Наива», собирались в европейский тур. Мы же по очереди косили от армии и подумывали о том, что было бы неплохо заменить гитариста. Воробей перестал прогрессировать в последнее время, и его подача и манера уже не могли адекватно отражать новые петуховские песни. Однако со всем этим можно было смириться или же попытаться исправить. Было одно НО. Пит сильно сдружился с Русланом Ступиным, эти «старый» и «молодой» составили неразлучную парочку. Два гиперталантливых музыканта, им было интересно друг с другом, интереснее, чем с кем-либо еще. Денис к тому моменту стал практиковаться в игре на бас-гитаре, заметно прогрессировал день ото дня, и много джемовал с Русланом у того дома. По всей видимости, именно общаясь со Ступом, Пит начал обламываться от воробьевской игры. Так или иначе, в один момент Денис обозначил проблему, поставив вопрос крайне жестко: «Мне нечего делать в одной группе с таким гитаристом».

Мы сделали выбор. Воробью пришлось покинуть группу. Вскоре после этого он ушел в армию (единственный из нас, он даже не пытался откосить), где попал в какие-то полументовские войска, что и определило род его дальнейших занятий.

После демобилизации Димон начал работать в милиции, и насколько я знаю, продолжает заниматься чем-то подобным по сей день. Я крайне редко вижу его, такие случаи можно пересчитать по пальцам. Я, к сожалению, очень мало знаю о его теперешней жизни.

Новым гитаристом стал первый же парень, приехавший на прослушивание. У нас были общие друзья, поэтому я сразу же вспомнил о нем. Парня звали тоже Дима, по фамилии Самхарадзе, и он оказался первым музыкантом в «Четырех Тараканах», жившим не на Кутузовском. Димон был несколько странным челом, правда, поначалу это было не очень заметно. Например, мы долгое время не знали его настоящей фамилии. Он почему-то шифровал ее от нас, называясь Петровым.

Он был частью собственной бауманской тусы, на личном, не всегда нам понятном чувстве юмора и несколько чуждых приколах. Все это некоторое время не давало нам достичь полного взаимопонимания в группе. Однако гитаристом Димон был отменным, с мощной металлической подачей и профессиональной школой. Его музыкальные и гитарные пристрастия простирались на весь спектр хэви-музыки, от AC/DC и Cult до Metallica и Anthrax. Он играл четко, ровно, с мощной атакой.

С первого же дня в группе Дима начал подгонять материал, и наши новые песни приобрели абсолютно другое звучание. Теперь в основе многих вещей лежала не гармония или кусок мелодии, а гитарный рифф, предложенный им.

Наш звук приобрел свежую окраску, структура песен изменилась, изменился подход к аранжировкам. Теперь все строилось на риффах. Пит придумывал мелодии, основываясь на них, ритмика так или иначе была к ним привязана. Намного позже, прочитав одну из

биографий Metallica, я узнал, что они пользовались тем же принципом сочинения. Теперь в качестве сопровождения к вокальным линиям использовалась не только игра квинтами, а обыгрыши с множеством обертонов, те же риффы, а иногда даже полные аккорды. Так были придуманы и записаны для демо песни «Farewell Majority», «One World – 2» (мелодия которой через 6 лет стала базой для песни «Военкомат»), «Please, Don't Come» (текст для нее был просто взят из песни «Home Sweet Home»). Как видите, мы никогда особо не парились на лирику). Кроме них, для записи того демо были использованы полностью переаранжированные «Freedom» и «Time has Passed», а также кавер-версия песни Ramones «Cummy Stuff» из альбома 86-го года «Animal boy». Из «Freedom» были выброшены на хуй весь глэм-овый хлам и акустическое вступление, зато добавлено героическое хард-н-хэви соло. «Time has Passed» приобрела прямой барабанный бит, без всех этих грандж выкрутасов (о Nirvana к весне 93-го забыли почти все, зато слишком многие вспомнили о ней еще через год), и в песне, наконец, все встало на свои места. В 97-ом году это демо вошло в альбом «Краткое содержание предыдущих серий», а пока мы распространяли его как сторону «В» на нашей новой DIY кассете. Мы решили, что весь альбом «Duty Free songs» уже не может в полной мере представлять группу, поэтому выкинули из него часть вещей (преимущественно старый, ленинский стафф), а остатки закатывали на сторону «А». Таким образом, обе стороны нашего продукта начинались с одной и той же вещи, «Freedom», только в разных версиях. Название этот гибрид получил весьма для нас (или о нас) в тот момент «говорящее» – «Drug Free Youth», причем мы по незнанию считали, что расхожая эта фраза переводится как «Наркотики. Свободная молодежь». Магическим образом решился вопрос с добыванием чистых кассет для производства копий. Помогло удивительное происшествие, в котором я принимал непосредственное участие.

Двигаясь как-то днем по двору, я увидел странную детскую суету у помойки. Вся мелкая туса возилась около черного кожаного «дипломата» с явным намерением его открыть. Я отбил чемодан у братвы и притаранил его к Рубану, где мы совместно его вскрыли. Внутри кейса не нашлось ничего интересного или ценного (по всей видимости, кто-то в нем дотошно покопался до нас), однако мы смогли вычислить предполагаемого владельца. Владелец немисливо взбодрился от нашего звонка, и забил стрелу. На стреле оказалось, что хозяин предмета какой-то кагэбешник, которого то ли киданули, то ли просто ограбили. После долгих расспросов о наличии в кейсе в момент его находки тех или иных вещей дядя отслюнил нам достаточно прайса для закупки целого ящика (250 штук!) кассет российского производства. Рубан сделал новую обложку, в два раза длиннее прежней, и ксерокс заработал с удвоенной силой. Наркотема к тому моменту встала в полный рост. Все последние месяцы мы ежедневно курили хэш, без остановки. Представить себя, вышедшего из дома без «пятки» на кармане уже было невозможно. Курила вся туса, все окружение. У нас был свой дилер, таджик по имени Фарух, который подгонял невиданный по тем временам стафф – «красные» афганские шишки. Его трава была по-настоящему убийственной, никто из нас или наших друзей не пробовал до его появления ничего подобного. Помню, когда Фарух впервые раскурил меня ею, со мной случилась натуральная истерика. Я умирал и оживал, задыхался от смеха и холодел от страха, сердце останавливалось и принималось выпрыгивать наружу, от полного обессушивания гортани язык не поворачивался, и я был уверен, что уже никогда не смогу разговаривать как все люди. Фаруховская трава после первой пробы действовала на всех одинаково. Все описанные мною ощущения длились очень долго, так долго, как не держит ни один другой хэш. Около 8 часов я пребывал под сильнейшим воздействием каннабиола, терял ориентацию, способность связно разговаривать, координировать движения и контролировать себя. На определенном этапе это состояние даже начинало утомлять, и люди пытались снять нахлобучку традиционными способами «облома кайфа», типа воды и еды, однако хитрые шишки лишь активизировались от этого и отпустить не

желали. Некоторые наши юные подружки, делая первую в их жизни цапку «фаруха», тут же падали без чувств, и нам приходилось, преодолевая немыслимые изменения, вызывать им «скорые». Когда Фарух, внеся в нашу жизнь такие кардинальные перемены, умотал к себе в Душанбе, все сразу поняли, на какой здоровый крюк он нас подцепил. Весь московский стафф, который мы могли найти, более не торкал. Любая, самая дорогая трава, доступная нам, не вставляла и даже не могла пытаться бороться с тем, что открыл нам Фарух. И не только мы подсели. Пока Фарух был здесь, весть о «чуде с Кутузовского» разнеслась по городу, и вот уже около подвала (Фаха не решался запаливать свою хату, поэтому выходил на встречу со страждущими к нашей базе) днем и ночью тусовал народ. Все давидковские плотно сели на это дело, огромное количество пришлых, едва знакомых нам челов также постоянно ошивалось неподалеку.

Помню, я, имея на кармане немного «фаруха», приперся в подвал, когда там репетировали «Наив» с желанием открыть ребятам глаза на правду этой жизни. В перерыве (минут через 15 после того, как они начали играть), мы втроем с Ивановым и Полещуком выкурили небольшую дульку моих шишек. Саша и Миша пробовали «фаруха» впервые, я уже имел четкое представление о том, как будут развиваться события. И хотя Майк по своей наркоманской привычке настаивал на том, что якобы «джойнт маловат», я его не стал слушать и сделал так, как считал нужным. Еще через пять минут «Наивы» имели в составе пару трупов, которые не могли играть, петь, ходить, разговаривать, а иногда даже дышать. Ступин злился и орал, Майк плакал, Иванов ржал, задыхаясь 20 минут, после чего начал жаловаться на озноб и дрожь в членах. «Фарух» знал свое дело и делал его насмерть.

Трава стала для нас обыденностью, мы почти перестали бухать и тусили во дворе с выпученными глазами круглые сутки. Репы шли своим чередом, особым кайфом для нас тогда было играть накуренными, и вместо того чтобы ебошить рок, мы все чаще и чаще проводили часы в подвале, ковыряя в среднем темпе каждый что-то свое. Примерно в это время Москву накрыла волна так называемой «питерской» кислоты. Выдаваемый дилерами за LSD препарат на самом деле ни имел с легендарным эйсидом ничего общего. И тем не менее, условно, все называли это «кислотой», и даже для пущей убедительности разведенный в воде порошок высаживался на листы промокательной бумаги и продавался как «фирменные» дозы LSD. Таким образом «промокашки», или «бумажки» быстро вошли в моду, и даже те, кто принципиально не использовал ничего серьезнее травы, не обламывались от мазы иной раз съесть «кислой». «Кислота» в зависимости от жадности продавца делилась на «польскую» и «питерскую». «Польская» была той же «питерской», только дороже в полтора раза.

Наша «кислая» в отличие от того, чьим гордым именем она называлась, на самом деле была грязнейшим и вреднейшим химическим соединением под названием «фенциклидин», или PSP. Синтезировалась она кустарным способом в подвалах питерских вузов неизвестными химиками-любителями, (говорят, в ее состав входили даже соединения цианистого калия) и продавалась оптом, расфасованная в граммы. В отличие от героина, эра которого тогда еще не наступила, грамм «кислой» включал в себя от 80 до 100 доз, опять же в зависимости от честности дилера.

«Кислота» была крайне демократична в употреблении. Высаженную на бумажку ее можно было есть (при желании, предварительно разрезав пополам и поделившись с другом), в жидком виде она выливалась в бутылку колы, или любого вина, или же просто впрыскивалась в рот. Экстремалы, а также люди уже знакомые с техникой внутривенных инъекций могли колоть препарат. PSP крайне вреден для здоровья, если проводить аналогии с бухлом – PSP это что-то типа самой дешевой, подпольной чеченской водки, к тому же сделанной на основе технического спирта. Говорят, что от единственного употребления «кислой» наступают необратимые мутации генного аппарата. Не знаю, мне сложно проверить. В любом

случае, у наших приятелей, серьезно липнувших на этом деле, со временем начались проблемы с зубами (я также не избежал подобной участи), волосами, и кожей. Кислая действовала всегда примерно одинаково – минут через сорок после употребления мир наливался цветом, красный становился КРАСНЫМ, а зеленый – ЗЕЛЕНЫМ. Все вокруг становилось немыслимо новогодним, блестящим и искрящимся. Сознание изменялось, но не очень круто, никаких галлюцинаций или чего-нибудь в этом роде. Тебе могло казаться, что ты можешь находить кайф во всем, от простой асфальтированной дорожки, на которой ты становился готовящимся к взлету пассажирским самолетом, до музыки, которая раскладывалась на сегменты прямо на глазах. Тело становилось невесомым, время растягивалось. Ты никогда не мог сказать, сколько ты уже тусуешь под «кислой», час или четыре. Как и любое не содержащее опий синтетическое средство, «кислая» не вызывала физического привыкания, однако из-за своей сравнительной дешевизны (на бокс «фаруха» менялось четыре «промокашки») и простоты в употреблении она быстро становилась постоянным фоном, и ощущение праздника проходило через несколько раз. Ее требовалось все больше и больше, дозы росли стремительно, с определенного момента становилось ясно: сколько бы ни кинул «кислой» на кишку – тупая, некайфовая и очень тяжелая химическая нахлобучка – это все, что ты получишь. Так люди подходили, каждый со своей стороны, к первой инъекции. Просто в один день ты слышал от дилера: «Стафф есть, только очень сильной концентрации. На кишку лить нельзя, больше потеряешь. Давай по вене! Не ссы, я нежно».

Однажды мы с Рубаном хотели вырубить себе пару «бумажек», но у продавца оказался только сильный раствор. Продавец сам колоть не хотел, Рубан вызвался сделать мне укол. Не знаю, имелся ли у него опыт в действительности или нет, однако все, что он смог сделать, это проткнуть мне толстенную вену насквозь и «вдуть» раствор в мышцу. Алая кровь начала фонтанировать одновременно с наступлением сильнейшего кислотного прихода.

Весь в кровищи, с не перестающей выбрасывать фонтанчики дырой в руке, я ползал на четвереньках по полу, не находя выхода из комнаты. Мне зачем-то было нужно в ванну, мне казалось, что еще чуть-чуть, и если я не найду ванну, я умру, не отходя от кассы. Все эти беспомощные движения сопровождалось удивительными видениями и ощущениями. Ползая по полу, я успел несколько раз слетать в космос с инопланетянами на летающей тарелке и вернуться обратно на Землю. Не могу даже предположить, как долго продолжались мои поиски ванной в полнейшем беспамятстве, в итоге мы уехали с Денисом восвояси, более или менее придя в себя.

Как-то раз, в канун наступавшего нового, 1993-го года, мы взяли по две «бумажки» в рыло, для «поднятия новогоднего настроения». Запив их бутылкой «Вина искристого «Салют», мы отправились на вечеринку к Маше-испанке. Я перестал чувствовать что-либо уже через час, завалившись на диван и тупо рассматривая цветные картинки в телевизоре. Параллельно температура моего тела поднялась до какой-то невиданной отметки, типа 39,8, я заболел жесточайшим гриппом, даже не замечая этого. Тем временем бодрящийся почему-то Рубан устроил полтора часовую фант с одним нашим приятелем, также приглашенным к Маше встречать Новый год. Драка, воплями и грохотом собравшая под дверями квартиры полдома, прошла для меня абсолютно незамеченной. В итоге Денис с порванной верхней губой был отправлен в травмпункт, откуда вернулся только под утро.

«Кислая» мощно вошла в нашу жизнь и стала общим местом. В то время она стала наиболее доступным и распространенным синтетическим средством в Москве. Ею дилерствовали все кому не лень, в любом клубе, рокешном или дэнсинговом, можно было купить «бумажку» без проблем. В тусовых местах стала все чаще и чаще появляться странная девица, на «готик» имидже, вся в черном, на черных волосах и ногтях, с черной кожаной сумкой. Девочка быстро стала популярным дилером, брать «кислую» у нее было ко всему прочему еще и эстетически приятно. Она раскрывала свою знаменитую сумку, доставала

из нее черное портмоне, из него – целый разлинованный лист «промокашек». Блестящими маникюрными ножницами отрезала дозьяк, и мило улыбаясь, вкладывала его тебе в рот. Сама!!! Иногда, немного поразмыслив, она отрезала ее чуть-чуть, в качестве бесплатного бонуса.

По слухам, девочка была из богемно-поэтической тусни. Через несколько лет СМИ стали раскручивать дело одной известной поэтессы Алины Витухновской, которую ФСБ приняло с наркотой. Был громкий скандал, за девицу вписался «Союз писателей», «Международный ПЕН-клуб», другие авторитетные общественные организации. Поэтесса достаточно долгое время провела в тюрьме, но позже была оправдана. Пару раз показанное по ТВ лицо безвинно осужденной служительницы муз напомнило мне нашего черного ангела. Хотя, конечно же, невозможно быть уверенным на сто процентов в чем-либо, что касается того времени. Всю весну и лето 93-го мы жрали «кислую» без остановки, курили хэш, закидывались грибами и кошмарным галлюциногенным крымским растением датура. Пара наших подружек натурально сошли с ума (одна из них, красавица Юля, решила соскочить с катушек прямо на моих глазах) и лечились в психиатрических клиниках по несколько лет. Мы ходили по стремной грани, отделявшей тинейджеров-экспериментаторов от пропащих винтовых торчков, каковых к тому моменту наблюдалось немало.

Наша музыкальная деятельность переживала некоторый спад. Мы по-прежнему много играли в «Секстоне», и нескольких новых клубах, таких как «Не бей копытом» на Шаболовке и «Бункер» на Трифоновской, однако наркотуман все больше и больше мешал нам сфокусироваться на репетициях и сочинении.

Когда я слышу от людей малоопытных в «этом» деле или же читаю в жизнеописаниях рок-звезд о том, как наркотики расширяют сознание и помогают в творчестве, я просто смеюсь. Да, охуенно помогают. Проебывать репы, просиживая часы под дверью дилера. С насквозь проканнабиоленным мозгом тупить на репах и забывать на концертах, какой куплет исполняемой уже три года песни ты играешь. Вырубаться, передознувшись прямо перед сетом, и подставлять остальных – вот в чем они на самом деле помогают. И это еще не героин!

Как бы то ни было, в начале лета 93-го мы получили предложение от «Ва-Банка» отыграть разогревом на презентации их альбома «Так надо» в Горбухе. Концерт обещал быть мощным и громким мероприятием. «Ва-Банк» входили в свою «учитесь плавать» стадию популярности и были очень и очень любимы среди панк- и альтернативно ориентированной молодежи. Кроме нас, разогревать их должна была еще одна группа, недавно выпустившая на фирме ФИЛИ винил. Группа играла жесточайший, деструктивно-депрессивный железногитарный нойз-хардкор, и называлась, вы не поверите: «Нож для Фрау Мюллер»!

В день концерта парни из «Ва-Банка» сообщили нам грустную новость. Организаторы (наш будущий выпускающий лейбл!) посчитали необходимым пристроить в мероприятие какую-то свою группу (тухлую каверовую блюз-банду, абсолютно выпадавшую из контекста). Таким образом, нам места не осталось. Но в любом случае, мы были приглашены на концерт как «особо важные зрители», поэтому, погрузившись в троллейбус № 39, поехали на Горбуху. Троллейбус был забит до отказа панкотой, также едущей на концерт, панки пели песни и веселились. И вдруг, (мы не поверили своим ушам!) следующей песней, которую затянула кодла, оказалась... наша «Крыса»! Ебать рот! Так мы, что, «группа, любимая массами»?

Этот эпизод стал на самом деле первым свидетельством того, что люди знают нас и наши вещи, причем ставят нас в один ряд с другими группами – признанными звездами жанра. Несмотря на частые выступления, где мы встречались публикой тепло, мы все равно не питали особых иллюзий в отношении себя. Мы были глубочайшим андеграундом,

несмотря на доступный и демократичный стиль нашей музыки, каким был и остается поп-панк.

У нас не было ни одного «выпущенного» альбома, который можно было бы купить в любом пластиночном магазине. Наши песни не проигрывали даже специализированные радиoproграммы, кроме только-только открывшейся тогда склярской «Учитесь плавать» на радио «Максимум». В клубах нас воспринимали, как, может быть, и приятный, но все равно необязательный довесок к концертам «Наива» или «Ногу Свело». А тут вдруг песня! А мы, между тем, едем на концерт, из которого двумя часами ранее были подло выкинуты. Все это оставляло странный осадок, смесь обиды и гордости.

Несмотря на новые жизненные интересы, свежие песни все равно появлялись. К уже имевшимся «Farewell Majority» и «Please, Don't Come» добавились «Welcome to the Party», «I left it once» и «Remember when». С текстами нам снова помогла Аня Сенкевич. К концу лета мы были готовы думать о новой записи, однако звезды встали так, что альбом с этими песнями нам было суждено записать только через два года. Денис Петухов, чьи занятия на бас-гитаре сделали его за короткий срок весьма сносным инструменталистом, получил предложение от группы «Наив» заменить уезжавшего на ПМЖ в Штаты Кочеткова.

Новость прозвучала (простите за избитое сравнение) действительно как гром среди бела дня. Все шло слишком охуенно, для того чтобы продолжаться долго.

Петухов хотел в «Наив», хотел в группу объективно лучшую и более успешную, хотел туда, где иногда случаются европейские туры, выходят круглые виниловые пластинки, снимаются клипы, а фэны в зале требуют не «Anarchy in the U.K.», а «Танки-Панки» или «На улице холодно». Примерно так Денис и объяснил нам свой шаг. «Каждый из вас, чуваки, на моем месте поступил бы точно так же», таков был его резон. Нам было все и так ясно, можно было и не объяснять. Другое дело – позиция наивовских парней. Басист в панк-ансамбль – не слишком редкая птица, даже для Москвы 93-го года. Не надо было особенно рвать жопу, чтобы подыскать себе правильного парня в группу. Даже если это было не просто сделать, все равно, разве это повод для того, чтобы вот так вот запросто взять и обезглавить другой бэнд? Хотя в любом случае отъезд человека на ПМЖ – процесс долгий, обычно о таких планах становится известно примерно за год. И если внезапный интерес Пита именно к бас-гитаре рассматривать с этой позиции – что ж, тогда, наверное, гнать на чуваков без мазы. Денис пытался смягчить наш шок обещаниями оставаться в группе и лупить на два фронта столько времени, сколько понадобится. Но, учитывая частоту выступлений, совместных с «Наивом», в эту перспективу верилось с трудом. Это как? Чувак сначала выходит на сцену и поет в одной группе (типа фронтмэн, все дела), а потом вешает на себя инструмент и в составе следующей банды он уже басист?

Некрасиво как-то. Кроме всего прочего, мы прекрасно отдавали себе отчет в том, что количество времени, которое потребуется Питу для полноценного участия в «Наиве», будет постоянно расти, и на нас его просто будет не хватать. И самое главное: мы были отдельной группой, самостоятельной и оригинальной. Становиться сторонним проектом одного из «Наива» – это ни хуя не круто, пацаны и девчонки, ни хуя не круто.

Став наивовским бас-гитаристом, Пит продержался в группе до середины 1998 года, записав с парнями два альбома. Когда в 1998-м Олег Нестеров начал искать музыкантов для проекта «Маша и Медведи», Денис оказался тем самым чуваком, которого пригласили в новую группу играть на басу. Недолгое время, сочетая игру в двух ансамблях, Пит покинул «Наив». После распада «Маши и Медведей» его можно было видеть в группе Николая Носкова. Насколько я знаю, сейчас он выступает и записывается в составе Бутч, а также участвует в группе «8-я Марта».

Итак, в расстроенных чувствах, подавленные и «обезглавленные», пребывая на постоянных наркотических мутках и интоксикациях, мы начали вялые поиски нового певца. Мы

честно (как бы нам это ни было в лом) ездили к московским магазинам музыкальных инструментов, где расклеивали объявления о поиске музыканта. Такой способ поисков людей в группу (если только вы не уведите человека из другой банды) тогда был единственно возможным. Как вы думаете, многие в Москве осенью 93-го могли откликнуться на объявление с примерно таким текстом: «В группу требуется УМЕЮЩИЙ ПЕТЬ вокалист. Стиль – американизированный, мелодичный панк, в духе Ramones, New York Dolls, Billy Idol, Iggy Pop. Также необходимо знать творчество Sex Pistols, Clash, Dead Kennedys. Тексты на русском и английском. НЕ СОВОК! Есть своя база, репертуар, записанный альбом. Звонить – Дима ..., Денис...»? Как бы привлекательно ни выглядело это объявление для потенциальных певцов сейчас, тогда это был дохлый номер. Мы отслушали четверых или пятерых человек и чувствовали в себе способность убить шестого, если бы таковой нашелся.

Люди тотально не секли фишку. О Ramones и сейчас не многие слышали, тогда тем более. Но это не было самой большой проблемой. В конце концов, Самхарадзе, до того как попал к нам, слышал только две панк-песни – »God Save the Queen» в исполнении Anthrax и «Anarchy in the UK», переигранную Megadeth. Мы планировали постепенно подсаживать на наше «правильное» музлу человека, который хотя бы теоретически смог бы нам подойти. Мы надеялись на то, что такой все-таки найдется, однако все наши надежды были тщетны. Один знал что-то об Iggy, но петь не мог, как ни пытался. Второй отлично выглядел; хаер, «косая», тяжелые «хакин бутс», но вместо того, чтобы выучить к прослушиванию хотя бы пару наших вещей (кассету с демо мы передавали всем «кандидатам» заранее), тут же вытащил толстенную общую тетрадь со «своими песнями». На самом деле это были не песни, а корявые и неумелые тексты к возможным песням, только он почему-то называл этот сборник подросткового подражания Г.О. «песнями». Третий заебись пел и даже врубался в нашу фишку, вот только она ему была не интересна. Интересно ему было играть металл/индастриал в духе Ministry, и он даже обещал принести на следующую репу специальную примочку для микрофона, искажающую звук. Он называл такую музыку «музыкой будущего» и пребывал в полной уверенности, что через три, максимум пять лет, так заиграют все. Через пять лет все кому не лень заиграли поп-панк, а о Ministry с каждым годом слышно все меньше и меньше. Репы с примочкой на микрофоне не было, больше мы ему не звонили.

Кроме расклейки объяв, мы также искали чела в тусовке. Рубан мечтал о том, чтобы взять певцом нашего приятеля из Давыдково, Леху Архипова по кличке Архип (одну его вещь мы в 97-м записали на альбоме «Украл? Выпил?! В Тюрьму!!!»). Архип оказался недоступен. Как раз незадолго до этого он уехал в Европу, где протусовался несколько лет. Теперь Архип снова живет в России и составляет мужскую часть дуэта «Архип и его Алиса». Сучок рассказал о парне, с которым его гитарист Шар записывался еще в конце 80-х в панк-группе «Инфекция». «Отличный чувак, охуенно поет, как раз в вашем стиле. Кроме того, знает и любит Misfits и Ramones. Зовут его Найк, вот только он пропал куда-то в последнее время». Наш несостоявшийся певец, Найк Борзов, как раз проходил тогда службу в армии и после нашего знакомства в 98-м очень смеялся, когда я рассказал ему эту историю.

Мы сыграли с Петуховым еще пару концертов в «Бункере». Мы также запланировали еще одно выступление там, в октябре, и даже наксерили массу DIY афиш формата А4 (группы тогда не делали этого сами). Однако концерт был отменен из-за комендантского часа, введенного в Москве во время октябрьского путча-2. Еще через месяц, в середине ноября, мы с Сучком отправились в Питер. Там я был задержан ментами на Московском вокзале, имея при себе грамм фенциклидина, и по прошествии трех дней конкретного мозгобалова препровожден в тюрьму. Тюрьма называлась «Кресты» и является одним из памятников старины екатерининской эпохи. Интересно, почистили ее к 300-летию питерские власти хотя бы снаружи?

Перед тем как выпасть из жизни почти на полгода, я совершил еще один любопытнейший трип. В поисках «кислой», «которую где-то здесь делают», мы с Сучком облазили всевозможные питерские клоаки, и, в конце концов, попали в место, которое считается альма-матер сегодняшней северной сцены, культовым местом, о котором с теплотой отзываются почти все популярные теперь питерские музыканты, от «Король и Шут» до «Текиладжаззз». Я говорю о клубе «Там-Там», жутком и мрачном месте, которое не могло бы возникнуть в Москве ни при каких раскладах, никогда. Клуб располагался на Васильевском острове в темном и узком питерском районе. В неотопливаемом, продуваемом всеми ветрами сравнительно большом помещении было кошмарно неуютно, по крайней мере, нам, ребятам-москвичатам. Посетители заведения производили впечатление бычьего, нацепившего на себя зачем-то панк-лохмотья и отрастившего волосы. Все они выглядели тотально неприветливо и агрессивно, что вместе с мрачными стенами и общим нерадостным антуражем создавало крайне гнетущее ощущение. Атмосфера была недружелюбной, это чувствовалось в каждом взгляде, каждом движении. Казалось, вот-вот, и эти люди превратятся в жутких монстров, и каждый попытается сожрать другого. Когда я слышу от парней из «Текиладжаззз» или «Маркшейдер кунст» об «отличных деньках времен «Там-Тама» – я просто охуеваю. Насколько же мы разные, жители двух столиц. В ноябре 93-го «Там-там» был натуральной клоакой, где торговали «кислотой» перед входом в клуб на глазах у охраны (ментов после службы), в фойе, зале, туалетах и на лестнице. Я видел людей с огромными двадцатикубовыми шприцами, которые отпускали другим дозы прямо в рот из этих самых шприцев. Никто даже не думал шифроваться, создавалось впечатление, что фенциклидин в Питере легализован. Подумать только, «кислая» у них стоила дешевле, чем водка в ларьке, и считалась «бычьим» кайфом! Мы не могли себе такого даже представить. То, за чем мы гонялись дома по полдню, наводя «шифры» и боясь запалиться, то, что считалось у нас чуть ли не символом какого-то психоделического причащения, здесь отдавалось за копейки. Люди проливали стафф на землю и лишь морщились. Наркотики не делали этих людей ни мягче, ни расслабленнее. Они нажирались PSP, как водярой, и мрачно охуевали друг от друга. Думаю, этого описания должно быть достаточно для понимания того, откуда растут ноги у огромного количества групп из Санкт-Петербурга. Этот город ставит такую печать, которую невозможно смыть никогда. А «Там-Там» был натуральным порождением Питера, порождением дьявольским и кошмарным.

Музыканты, умудрявшиеся играть там светлую музыку, такие как «Маркшейдер кунст», или Dr.I.Vo-leet, просто удивительнейшие исключения из правил. Хотите понять, что такое «Там-Там»? Послушайте группу «Химера». Только сразу положите рядом альбом «ПОРТ (812)». В терапевтических целях.

Как вы, наверное, поняли, свой «грамм» мы взяли, а потом взяли и нас. Средство нашли у меня, соответственно я и поехал в «Кресты». Мне удивительно «повезло» с местом ареста. Нет никаких сомнений в том, что если бы это случилось в Москве, менты бы ограничились «подпиской о невыезде», а может быть, и вовсе легкой взяткой. Но нет. Меня угораздило влететь именно в северной столице, где традиционна особая любовь к москвичам. Мой следователь так мне и сказал: «Все москвичи – подонки и пидоры. Вы, гондоны, привезли сюда этот ваш сраный рок (во как!), а теперь еще и отраву тащите (еще лучше!). Имей в виду, ты, панк ссанный, будешь у меня сидеть!» ОК, в тюрьме было хуево. Не так хуево, как можно себе представить из книжек про «зеков» и газетных публикаций, но ничего хорошего в тюрьме нет. Это я вам говорю как краевед.

Через пять месяцев суд дал мне «год условно», который был тут же снят из-за проведенных в заключении пяти месяцев. Я вернулся в Москву, где надеялся влиться в дееспособную группу. Сидя, я почему-то пребывал в уверенности, что парни дома давно уже нашли певца и усиленно репетируют. Как бы не так. Они даже не чесали яйца. За время моего

отсутствия не было проведено ни одной репетиции и не сделаны никакие шаги к поиску вокалиста. Рубан бухал, Самхарадзе не вылезал со своей Бауманской, Пит вовсю лупил в «Наиве». Дела были хуевы. Весной и летом 94-го мы предприняли еще пару жалких попыток найти чела на вокал и провели несколько репетиций. «Рок-лаборатория» закрылась, весь ее персонал уехал жить за границу, а перед отъездом они продали все свое имущество, в том числе и аппарат, стоявший в нашем подвале. Подвал умер. «Ногу Свело» стали большой группой, с несколькими песнями в ротациях модных FM-станций, и репетировали в другом месте. «Наив» также нашли себе новую базу.

Мы, до сих пор пребывая в некомплекте, не видели смысла в стабильных репах, поэтому даже и не запаривались на них. Таким образом, «Четыре Таракана» практически прекратили свое существование, хотя на самом деле группы не стало еще раньше, в тот день, когда Петухов ушел в «Наив». Я до сих пор считаю этот аспект важнейшей причиной нашего почти двухлетнего полураспада и уверен, что любая помощь и поддержка со стороны «Наива» как на первых порах, так и в последующее время может считаться компенсацией за нанесенный некогда вред. Какая вещь из тех, что только могут приключиться с рок-группой может быть страшнее распада?

Полное уничтожение, без всяких шансов. Попробуйте пожить после того, как вам отрубят голову, пусть даже эта голова сама стремилась соскочить с ваших плеч! (это не из песни «Король и Шут»).

4. I just walkin' with myself

Мы начали потихоньку приходить в себя и оглядываться по сторонам лишь к осени 94-го года. Сцена кардинально изменилась, и не было ясно, есть ли для нас место на ней. Во-первых, открылось множество новых клубов. Кроме «Секстона», «Бункера» и поменявшего свое месторасположение «Не бей копытом», появились места, о которых мы ничего не знали, и что самое главное – в них ничего не знали о нас.

«Алябьефф», «Улица Радио», «А-клуб» (теперь в этом месте клуб «Табула Раса») и другие места предоставляли свои сцены совсем другим музыкантам, людям, о которых не было даже слышно всего год назад. Во-вторых, московскую индипендент-сцену захватила музыка, которую все поначалу называли почему-то «хардкор», потом – «альтернатива», потом «рэп-кор» (или «металлический хип-хоп»), короче – «мазафака». Сейчас чуть модернизированная и несколько приглашенная разновидность этой музыки называется на MTV «ню-металлом». Откуда ни возьмись появилась новая мода: длинные широкие шорты, клетчатые фланелевые рубахи (они, правда, появились чуть раньше, мы носили такие еще года полтора назад), абсолютно мудацкие бородки и квадратные бейсболки с крупным лого какой-нибудь американской бейсбольной команды, какие мы всегда считали слишком дешевыми. Найдите где-нибудь ранние фотки IFK, и вам сразу все станет ясно.

Таких групп отчего-то стало очень много, и откуда они взялись в таких количествах, было не ясно. Насколько я знаю, первыми и поначалу наиболее популярными из групп этой волны были «Консоль». А IFK, Crocodile TX, Chikatillo Bulls и им подобные появились позже. Эта музыка быстро стала приобретать большую популярность в клубах, и уже через год у нее была настолько большая фэнская база, что фестиваль для таких групп пришлось проводить в течение двух дней в ДК им. Горбунова. Их кумирами были банды, которые мы также слушали годом ранее: Bodycount, Rage Against the Machine, Clawfinger, Infectious Grooves, Primus, Dog Eat Dog, Beastie Boys и Suicidal Tendencies. Также в моде были Faith no More и грандж-группы: Alice in Chains, Stone Temple Pilots, Pearl Jam, Spin Doctors, а после самоубийства Кобейна вдруг резко подскочила популярность Nirvana. Все «новые» группы составляли монолитную тусовку, их публика также была единым организмом. Все панки удивительным образом куда-то пропали, не было ни новых групп, ни фэнов. С весны 95-го, когда мы начали первые концерты в обновленном составе, нам стало ясно, что придется все начинать сначала. Наше время было безвозвратно упущено, нас воспринимали как новую группу, а ставшие вдруг востребованными «козлинобородые» бейсболочники нас в хуй не ставили.

Панк тоже успел измениться. По крайней мере, пока меня не было, парни открыли для себя множество незнакомых до той поры групп. В топе были NoFX (с альбомами «White Trash, Two Heebz & a Been» и «Punk in Drublic»), Bad Religion (особенно «No Control» и «Against the Grain»), Offspring («Smash»), короче, то, что чуть позже получило обобщенное название «эпитафщина». Чуть позже Green Day взмыли в поднебесье со своим «Dookie» и тут же на какое-то время стали нашими любимчиками. Также все фанатели от Toy Dolls, Die Toten Hosen, Misfits, Hanson Brothers, Social Distortion и Rancid.

Весной и летом 1994-го, отозвавшись на призыв Ланы Ельчаниновой, мы начали ездить на Ленинский проспект помогать (в числе прочих музыкантов из панк-тусни) ремонтировать старый заброшенный подвал. В подвале Лана планировала со временем сделать небольшой панк-клуб.

Как именно может работать панк-клуб в подвале жилого густозаселенного дома, к тому же в столь «жирном» московском районе, как Ленинский, было непонятно. Однако все с воодушевлением ломали старые стены, строили новые, красили потолки и устанавливали

унитазы. Мы подогревали себя надеждой на то, что в новом клубе найдется время и место для наших репетиций. После того как клуб заработал (сдвинутая на всяких революционерах и прогрессивных лидерах, Лана назвала свое новое место именем Джерри Рубина), мы дали там пару концертов совместно с Apple Core и «Азь». Репетировать там не получилось: клуб то закрывался, то начинал работать снова. Это место с грехом пополам дожило и до сегодняшних дней. Сейчас «Клуб им. Джерри Рубина» – оплот «честной» DIY-хардкор сцены, и, как говорят, глубоко законспирирован. Блин, может, дать адресок?

Мы начали собираться на репетиции более или менее стабильно под конец 94-го года. После трехлетнего перерыва нам снова пришлось использовать платную базу. Однако репы втроем, без вокалиста, быстро настояебывали и, соответственно, проходили без должного энтузиазма. Нам был нужен певец, нужен, во что бы то ни стало. Парень, девка, белый, черный – по хую. В процессе этих грустных репетиций я гундел что-то в микрофон просто так, отмечая места песен для ориентирования. На одной из реп Рубан снова повторил свою мысль о том, что нефигово было бы мне попробовать петь. Я не был готов к такому повороту, честно говоря. Мне нравилось играть на басу, это было то, с чем я мог худо-бедно справиться. Пение пугало меня своей неизведанностью и очевидными проблемами, с которыми мне (человеку, никогда не певшему даже бэк-вокалы) придется столкнуться. Людям, далеким от панк-музыки, видимо кажется, что быть вокалистом в этом жанре просто – знай, дери себе глотку. Не спорю, в некоторых группах так оно и есть. Но послушайте Joey Ramone, Glen Danzig или Greg Graffin – эти люди могут дать фору любому певцу классического рока. Мы всегда были мелодичной группой и планировали оставаться таковой всегда. Мы не могли себе позволить маловразумительные эксперименты, типа наивовского «Dehumanized States of America». Поп-панк – вот, что мы любили. А в этой музыке петь надо уметь.

Так я снова оказался в «Красном химике», в том месте, дорогу куда забыл пять лет назад. Только сейчас мне было нужно в экстренном порядке овладеть певческими навыками, понять принцип, разработать дыхание и усвоить пару основных приемов.

Не могу сказать, что после трех месяцев уроков я вдруг запел как Billy Joe (я в общем-то и сейчас иногда сомневаюсь в своих вокальных способностях), но кое-что для себя я вынес. Сочетать пение и игру на басу мне тогда было не под силу, и это причина, почему в группе снова оказался Пэп. Пэп или Потапыч, или Санек Потапов, уже играл когда-то в этой группе на бас-гитаре еще во времена «К.П.», потом сделал собственный проект, который к этому времени давно загнулся. Санек всегда оставался поблизости и тусовал с группой все время. Он (так же как и Ленин) учился в одной школе с Рубаном и был его близким другом. Пэп жил на Кутузовском, 26, в легендарном доме, на котором до сих пор висят мемориальные доски, возвещающие о том, что «в таких-то годах здесь жили Л. И. Брежнев и Ю. В. Андропов». Пэповский дед занимал видный пост в брежневском кабинете министров, их квартира имела семь (!) комнат и огромный коридор, по которому мелкий брат Санька катался на велике. Потапыч – крайне веселый и забавный пассажир, особенно в пьяном виде.

Его любимый прикол в подпитии – приставать к окружающим с одной и той же телегой: «Ну дай, дай я тебя облобызаю!» Пэп долго и нудно учился непонятно зачем в Ветеринарной академии, где большее время только бухал и откуда водил домой «продолжать банкет» всяких региональных «Юриков» и «Олегов». Пэп стал басистом, но тут начал вскрывать мозг наш «бауманский» Димон. Его первоначальные странности, усугубленные хмурыми возлияниями с гоп-братвой на районе, встали в полный рост. Он всегда был немногословным парнем, а тут вдруг совсем закрылся в себе. Выудить из него хотя бы словечко и понять, что же его не устраивает, не представлялось возможным. Он пропустил пару репетиций, не подходил к телефону, когда мы звонили и, в конце концов, не приехал на первый после столь долгого перерыва концерт. Ловить его и базарить было без мазы, нужно было срочно искать нового человека, так как у нас были заряжены несколько концертов по старым связям.

Мы экстренно обзвонили всех друзей, и тот же Сучок присоветовал нам обратить внимание на еще одного парня из Давыдково – Вову Родионова.

Вован снял всю нашу концертную программу по демо и «живым» записям с Петуховым, и после единственной прогонки ее у меня дома (только голос и гитара) мы с относительным успехом отыграли все заряженные даты.

Вован никогда не играл панк, мало того – он не играл никакой жесткий рок. Однако среди его любимых групп были Pixies, он практиковался в блюзовой группе и еще одной смешной банде, названия которой я сейчас не припомню. Его гитарный стиль был totally другим, нежели у Самхарадзе или Воробья. Никакого металла, никаких риффов и соло. Его приемы игры на ритм-гитаре более всего напоминали манеру самых первых бунтарских рок-групп, типа Rolling Stones и The Who. Классический английский гитарный рок – вот, что Родя любил по-настоящему. Он играл просто, но с удивительным вкусом. Не очень жестко, но изобретательно, используя либо изобретенные им самим ходы, либо талантливо позаимствованные штуки. Много полных аккордов на легком перегрузе, мелкие блюзовые виньетки и мягкая атака – вот в чем состоял тогда Родин стиль.

Итак, вместе с Вованом мы взялись за постоянные репетиции. К весне 95-го мы сыграли множество концертов в основном в местах, которые были нам знакомы ранее. Во всех новых клубах мы получали «от ворот поворот». Люди не хотели видеть панк-группы у себя, и этот процесс растянулся на долгие годы. Если бы не внезапный всплеск популярности поп-панка в последнее время, это продолжалось бы до сих пор. «Нет, мы не делаем панк-концерты». «Как-как? «Четыре Таракана»? Ну, вы оставьте телефончик, мы вам, может быть, перезвоним». «Что играете? Панк-рок? Нет спасибо, нам не интересно». Для нашей музыки настали хуевые времена. Нам оставалось тусоваться с такими же лузерами, как и мы сами, играть в дурацких местах с дурацкими группами. Мы вписывались в рокабилльные тусы, тусы с глэмерами (однажды даже играли концерт с Lady's Man) и тому подобные мероприятия. Иногда «Наив» делали в «Секстоне» тусовку под названием «Панк-утренник» (панк-рок переехал с жирного вечернего времени на дневное, концерты начинались в 16–00, а в 21–00 в клубе уже начиналось выступление какого-нибудь «Морального Кодекса»). В таких минифестах обычно участвовали сами «Наив», мы, Les Primitives, «Консоль» и Apple Core, причем две последние группы можно было назвать панк-группами с очень большой натяжкой.

Мы начали готовиться к новой записи. У нас было много вещей, оставшихся еще от Пита и Самхарадзе, еще несколько сочинил Вован, несколько я, несколько – мы с ним в соавторстве. Мы искали финансирование и дешевую студию. Студия нашлась так. Однажды, рано утром (я еще спал) мне позвонила Лана Ельчанинова. Лана в числе прочих своих DIY-забот занималась продвижением в Москве и отруливанием маз для олдовых питерских панк-легенд «АУ». На этот раз она писала им новый альбом где-то в Подмосковье, в районе аэропорта Внуково. Лана спросила, не могу ли я подъехать на эту студию. Певцу «АУ», культовому пассажиру Свинье, вдруг понадобился бэк-вокалист для записи. Я не знал ни единой песни «АУ». К сожалению, мы тогда находились в плену глупого стереотипа. Все, что шло из Питера, ассоциировалось с одним-единственным понятием «говнорок». Я, конечно же, слышал о Свинье. До нас доходили какие-то легенды о его диких выходках и беспределе, но все это было на уровне канонических сказаний и не имело ничего общего с живым человеком, а уж тем более с его музыкой. Я честно предупредил о своей полной некомпетентности в репертуаре группы, однако Лана заверила, что это не проблема. ОК, я поехал на студию. Она оказалась в нереальных ебнях, дорога заняла почти два часа. Андрей Панов, или Свин, оказался вполне вменяемым, веселым и, я бы даже сказал, интеллигентным парнем в годах. Было видно, что этот человек крепко и давно бухает. Его лицо имело характерные для алкоголиков опухлость, помятость и цвет. На студии он не бухал, мало того – производил впечатление человека, который прекрасно знает, чего он хочет и как этого добиться. Андрей

знал материал отлично, и проблем с записью основных вокальных партий почти не было. Его партнер по группе, тоже Андрей, но только Чернов записал всю музыку. Они использовали барабанные партии, забитые дома в «драм-машину» вместо «живых» барабанов, Чернов писал все гитарные и басовые партии. Мне предстояло спеть бэки в нескольких песнях, таких как «Прогресс», «Утренничек» и еще в паре вещей поучаствовать в общих хорах. Все это оказалось делом не сложным, я справился. Мы много общались с Андреем и в процессе, как мне кажется, понравились друг другу. В конце того дня мы договорились о паре совместных концертов «Четырех Тараканов» и «АУ». Первый из них брался организовать в Москве я, вторым должен был стать концерт «Пятнадцатилетие АУ» в том самом питерском «Там-таме». Я сделал московский концерт в новом месте, клубе под названием «Mad Max», в Беляево. Клуб представлял собой децел переоборудованную студенческую столовку со сценкой, аппаратом и пластмассовой мебелью в зале. Это был чуть ли не первый раз в моей жизни, когда я делал весь концерт сам, от договоренности с хозяевами и дизайна афиш, до встречи иногородних гостей и разрула порядка сценических сетов. Это был фестиваль из множества групп, играли Les Primitives, Apple Core, «Идиоты» (новая группа моего приятеля Прохора), «Четыре Таракана», «П.З.О» (так звалась тогда «Фантастика»), еще кто-то и, конечно, «АУ». Сет «АУ» прошел на удивление гладко. Как мне рассказывали люди опытные, каждая вторая попытка устроить концерт «АУ» в Москве, как правило, обламывалась из-за невозможности артистов выйти на сцену. Свинья упивался в жопу и петь не мог. Он, конечно же, был в подпитии. На фестиваль пришло достаточно много народу олдогового и молодого. Люди повытаскивали на свет свои балахоны с Sid Vicious и старые майки с Dead Kennedys и рубились как раньше. Это помогло нам верно сориентироваться в создавшейся ситуации. Стало ясно, что если действовать направленно, постоянно бить в одну точку, то сцену можно будет поднять, и публика на концертах появится снова и будет ходить стабильно. Для этого требовалось только одно: постоянная работа в одном направлении, причем было очевидно, что за нас ее никто делать не будет. Так, пресловутый DIY снова напомнил о себе.

Мы провели в этом клубе еще пару подобных вечерин (с переменным успехом), занимаясь всем лично, контролируя весь процесс. Мы делали черно-белые афиши формата А4, особенное внимание уделяя их дизайну, с которым нам помогал еще один давидковский чел, Илюха «Ватсон» Казаков. Всеми правдами и неправдами мы добивались печати максимального количества афиш, пользуясь аппаратами, стоявшими на работах у друзей и их родителей, и сами их клеили на Арбате, бульварах, рок-магазинах, около магазинов электроинструментов. Мы звонили в каждую(!) программу по заявкам на FM-станциях и вместо того, чтобы заказать какую-нибудь тухлую песню, успевали проанонсировать свой концерт, пока нас не уводили из эфира. В то время танцевальные (или «кислотные», как их тогда называли) клубы и промоутеры начали печатать красивые цветные приглашения на свои мероприятия, которые назывались «флаеры». Мы также переняли у них этот способ раскрутки концертов, делая дешевые ксероксные флаеры и впаривая их людям повсеместно. Насколько я знаю, мы были первыми на рок-сцене, кто начал применять флаера для промоушена акций. Программы концертов, которые мы мутили сами, как правило, включали в себя группы, дружественные друг другу (и, соответственно, имевшие совпадающие тусовки приятелей и телок поддержки) или банды в похожем стиле. Так мы начали потихоньку возвращать себе людей в залы, напоминать старым фэнам, что мы живы и вербовать новых. Ответный концерт, организованный «АУ» в «Там-таме», оказался нашими самыми первыми в жизни гастролями. До той поры мы ни разу не получали предложений выезжать с концертами из Москвы.

«15-летие Автоматических Удовлетворителей» прошло в «Там-Таме» при скоплении большого количества публики. Однако собравшиеся так и не увидели Панова на сцене. Случилось то самое, о чем рассказывали люди «бывалые» – Свин немисливо накидался водки в компании собственной мамы и своей московской подружки, певицы Олеси Троянской

(вскоре умершей от рака). Он даже не смог выехать из дома в клуб, где его ждали Чернов и остальные парни из группы. Не помню уже, как мы играли на том концерте, мы вообще долгое время играли не заебись, зато нам «посчастливилось» впервые столкнуться лично с тем, что тогда представляла собой т. н. «питерская панк-публика». Представьте себе абсолютно озверевших, агрессивных чуваков типа тех, кого сейчас называют «говнопанки». Внешне – мудацкий микс бомжей и скинхэдов. Имея весьма и весьма своеобразное представление о том, как надо круто отрываться на панк-концертах, эти люди моментально захаркали всю сцену. Те, кому удавалось залезть на нее, тут же начинали дико вращать глазами и в каком-то псевдохип-хоп стиле жестикулировать руками. Эта удивительная манера «выражать» себя сохранилась у некоторых питерских посетителей панк-концертов до сих пор. Те, кто видел ранние видеоконцертники «КиШ» знают, о чем я.

Во время звучания песен люди неистово рубились в пого, но в паузах начинали снова закидывать сцену всяким калом и заплевывать нас, выкрикивая оскорбительные (по их мнению) вещи, типа «Прилетели к нам грачи, пидорасы-москвичи», «Культурная столица», хуйли вы хотели! Мы неоднократно останавливали сет, отбиваясь от наиболее назойливых «любителей рока».

Ничего подобного мы не встречали на концертах никогда ранее, и что самое интересное – никогда потом (за исключением редких выступлений в Санкт-Петербурге). «АУ» все-таки сыграли все свои песни, вместо Панова в качестве лидер-вокалистов выступили Чернов и все, кто хотел. Люди перли и перли из зала на сцену просто для того, чтобы проорать в микрофон что-то невменяемое и, повращав глазами, по-хозяйски упасть на зрителей в первом ряду.

Начиная с этого первого в нашей жизни концерта в С-Пб, мы в течение нескольких лет предпринимали множество поездок в «северную пальмиру», сами заряжая себе клубные мини-туры. Как правило, это было 4–5 выступлений в неделю в таких местах, как «Там-там», «Гора», «Полигон», старый «Fish fabrique», «Ten» и других. Не имея друзей и приятелей в этом стремном и чужом городе, мы пользовались гостеприимством Севы Гаккеля, директора и хозяина «Там-тама» (и экс-виолончелиста «Аквариума»), который вписывал нас в гостевую комнату своего клуба на все время нашего пребывания в С-Пб. Мы почти не зарабатывали денег этими поездками, но тем не менее старались заряжаться на таких условиях, чтобы поднять какой-то прайс на ж. д. расходы.

Наши гонорары (как проценты от дверей) составляли тогда от 10\$ до 30\$ на группу, иногда наш обед состоял из двух куриных кубиков, честно распиленных пополам, на четверых.

Тусуясь раз в два-три месяца по питерским клубам в течение 3 лет, так и не получив там хоть какой-то популярности, мы обрели множество отличных знакомых, многие из которых с течением времени стали нашими близкими друзьями.

Первыми, с кем мы познакомились, были «Markscheider Kunst» и Dr.I-Bo Leet, чуть позже – «Пауки», «Маррадеры» и Strawberry Jam. В 1996-м году среди наших знакомых оказались «Джан Ку», «Кирпичи», которые поначалу звались «Bricks are Heavy», как пластинка L7, Spitfire и другие.

Однажды, в одну из таких поездок (было это в начале 96-го) к нам с Рубаном перед концертом в «Горе» подошли двое чуваков. Один – в рыжей бороде и длинных волосах, собранных в хвост, назвался Дмитрием. Второй – с практически отсутствующими передними зубами на верхней челюсти оказался Михаилом. С места в карьер чуваки быстро и популярно в двух словах объяснили нам расклад: «Вы думаете, что здесь «Текила» и «Кирпичи» у людей популярны?» «Да мы... че-то не особо задумывались на этот счет. Ну да, вроде бы в Москве и те, и другие известны людям». «На самом деле, чуваки, мы здесь глав-

ные. И скоро будем главнее, чем кто-либо». – «Ебать, да кто же вы такие?» – «Группа наша называется «Король и Шут». Я – директор. Миха, вон – певец».

Чуваки хотели играть в Москве и обещали нам за совместный концерт в столице ответное выступление в Питере. Чуть позже такой обмен состоялся, и к этому я еще вернусь.

А пока, на дворе стояла весна 1995-го, и мы начинали записывать «Best Before...» на той самой студии во Внуково, где несколькими месяцами ранее я писал бэки для «АУ». Бюджет составил 300\$. Двести из них дала рубановская подружка (как же ее звали?), умная дочь мелкомасштабного олигарха. Уже по тогдашним меркам, 200\$ были небольшими деньгами, девушка же эта просаживала в магазинах и кабаках намного более. Нам было грустно смотреть на это дело, в итоге она ссудила денег безвозмездно. Еще сотку одолжил на неопределенный срок брательник моей дамы сердца. Писались втроем. Родя взялся писать бас сам, не доверив это дело Нэпу. Было решено в третий раз перезаписать «Freedom». Кроме того, в альбом планировалось включить еще несколько старых песен, например «Farewell Majority», «Welcome to the Party», «I left it once» и «Don't Come».

Остальные вещи (кроме кавера боевика «Машины времени» «Поворот») были собственного сочинения. Вот они: «Runaway», «Walking with myself», «Oh, you know», «Baby I love you», «Remember when...» и «Journey to Ramonialand». Несмотря на то что мы пытались записать все вещи в настолько жестком звуке, насколько это возможно, результат оказался неожиданным. Студия была оснащена только цифровым оборудованием. В акустическом помещении имелась живая ударная установка, но она могла использоваться на записи исключительно как электронные барабаны. Ударные точки этой псевдоживой установки не подзвучивались микрофонами, а «снимались» датчиками, которые фиксировали удар. Таким образом, на месте этих барабанов могли оказаться любые поверхности (мебель, например), – результат был бы тем же. Он также был бы тем же, а может быть, и еще лучше, если бы мы просто тупо «забили» барабанные треки в драм-машину, как это делали «АУ». Студия не имела подходящего бэк-лайна, гитарных и басовых комбов, а те, что были, не перегружались до нужного нам уровня. Синтетические барабаны, гитарист, записывающий бас, телка (подружка Роди) на бэк-вокалах, вокалист-неумеха, малоопытность и старперский упырь за пультом – вот вам рецепт, как записать альбом панк-группы со звуком в лучших традициях Status Quo. Несмотря на возможность цифровой редакции барабанных партий, Рубан писался очень долго. Сказалась его тотальная нелюбовь к метроному. Большая часть его битов оказывалась неровной в плане темпов, он пробовал еще и еще, и, в конце концов, мы просто брали и правили его партии с помощью какой-то компьютерной машины. Вокалы также не давались. Не имея до этого никакого опыта записи голоса, я старался петь агрессивно, с панк-подачей, но в этих случаях я, как правило, не попадал в нужные ноты, а иной раз промахивался мимо правильных тональностей. Когда же ставилась задача спеть ту или иную мелодию точно – это, как правило, получалось, но, фокусируясь на «попадании», я упустил верные интонации, тембр и атаку. Такие места звучат на альбоме наиболее неуверенно. С грехом пополам мы закончили эту запись, самую неудачную в нашей дискографии и менее всего отражающую то, чем мы на самом деле были тогда.

С выпуском альбома проблем почти не возникло. «Наив», а вернее Саша Иванов и Андрей Павлов, объявили об открытии ими рекорд-лейбла. Лейбл был зарегистрирован в «Регистрационной палате» как ООО, имел название «S.O.S. music», собственную печать и одну позицию в каталоге: альбом группы «Наив» «Dehumanized states of America», выпущенный на кассетах тиражом 1000 экземпляров. Офис, оргтехника, персонал, бухгалтерия, склады и партнеры у нового лейбла отсутствовали. Парни были готовы выпустить также и наш новый альбом. На деле громкое слово «выпустить» означало лишь то, что альбом будет растиражирован на деньги лейбла на профессиональной кассетной фабрике, где професси-

ональные засовывальщики вкладок профессионально засунут в них вклады, отпечатанные в профессиональной типографии.

Считалось, что лейбл будет сам заниматься дистрибьюцией альбома (тираж – 500 кассет), однако выяснилось, что Саша и Андрей, как люди занятые на серьезных работах, не имеют достаточного времени на то, чтобы лазать по Москве с рюкзаками кассет за спиной. Именно поэтому заниматься распространением пришлось мне. Мест, в которые можно было попробовать сунуть кассеты с нашим альбомом к тому времени стало больше. Кроме «Давай-давай» открылась «Рок-культура», помимо того, существовало несколько магазинов на окраинах, кое-какие ларьки (в том числе пара ларьков, которые держали бывшие хозяева культовой теперь «Рок-галереи Зиг-Заг», Эмма и Аркадий). 500 кассет разошлись где-то за год. Я старался постоянно поддерживать наличие альбома во всех имевшихся точках, кроме того, мы активно распространяли его на собственных концертах. К лету 1995-го сгорел «Sexton», закрылось еще несколько недавно работавших мест, но в «Зеленом театре» ЦПКиО крылся новый клуб. Клуб располагался прямо на сцене «Зеленого театра», сцена же самого клуба была оборудована в левом торце «большой». Из подручных средств была выстроена стена, отделяющая клуб от открытого зала «Зеленого театра». Новое место устраивало концерты 3–4 раза в неделю. Это были в основном концерты «индепендент» групп, много «мазафака-альтернативы», группы, традиционно любимые байкерами (этот клуб, как и «Sexton», контролировали центровые московские мотоциклисты) типа «Монгол Шуудан», «Бахыт Компот», «ЭСТ», «Черный обелиск». Также частенько там проводились концерты, в которых участвовали и «Четыре Таракана». Нами потихоньку стали интересоваться новые люди, на концертах появилось много незнакомых. Мы съездили на 1-е байк-шоу, организованное теми же «Night Wolves» и отыграли еще парочку концертов до конца лета. «Зеленый театр» работал до наступления холодов и закрылся в начале октября. Как раз на октябрь мы задумали презентацию «Best Before...». Ни один стабильно работавший в Москве не захотел подписываться под нашу акцию. Таким образом, почти через пять лет после первого концерта, мы пришли к тому, что нам пришлось арендовать площадку за деньги. Презентация прошла в клубе «Вояж» в Алтуфьево, почти в том самом месте, где за четыре года до этого заработала «Отрыжка». Кроме нас самих, в концерте были заявлены Apple Core и «Наив», как спец. гости. Рискуя собственным прайсом, вложенным в аренду помещения, мы сделали все для того, чтобы максимально раскрутить концерт. Ксерокопированными афишами (мы перешли на формат А3) была убита вся Москва. Мы получили поддержку в программе Сани Скляра «Учитесь плавать» на радио «Максимум», в рамках которой мы дали первое в нашей жизни радиоинтервью, после этой программы Скляру позвонил Михаил Козырев, тогда программный директор «Максимум». Миша интересовался, что это за группа была у Скляра в эфире, ему понравилась одна наша вещь, которую он поставил в ротацию станции. «Farewell Majority» действительно некоторое время крутилась на волне «Максимум». Не часто, в основном ночью, но насколько я знаю, это был первый подобный случай с панк-группой в России. Также появился кое-какой интерес и у ТВ. Анонс выхода «Best Before...» и концерта-презентации показали в музыкальных новостях ТВ-6 и «Программе А», которая до той поры упорно нас игнорировала. Там же прошли эфиры самодельного клипа на песню «Don't Come», который абсолютно без бюджета, из подручных средств снял приятель Роди. Также большое интервью со мной сделала весьма популярная в то время у молодежи передача «До 16-ти и старше». Этот сюжет им отчего-то так понравился, что его повторы я видел даже через три года после первого эфира. На презентацию «Best Before...» мы собрали рекордное для нас тогда количество публики, что-то типа 350 человек. Перед тем концертом обратная, не известная тогда нам сторона DIY медали раскрылась в полный рост. Люди, ничем не помогавшие нам, даже пальцем не пошевелившие для того, чтобы этот концерт стал возможным, были уверены, что их всех огромной кодлой бесплатно запустят вовнутрь.

Знакомые и не очень, друзья друзей и просто прихлебатели, какие-то девки и прочая туса активно не желали покупать билеты на входе. «Вы пустите нас за так, иначе вы мудаки!» – вот что было написано на их лицах. Они не хотели ничего понимать, они не хотели слушать наши рассказы о вложенном в концерт личном бабле. «Отдавать свои деньги? Кому? Этим обсосам, Сиду и Рубану?» Они хотели все получить на халяву, ленивые безразличные твари. Мы послали на хуй всех, в итоге отбили вложенное и заработали небольшой прайс в личном плане. Это был практически первый случай, когда мы подняли что-то на карман (думаю, в районе 150–200\$ на группу). До этого мы зарабатывали деньги всего только один раз. Наш самый последний концерт в «Sexton» мы сдуру подписались играть на условиях распространения билетов. Продав практически все, мы приехали играть. Но, как оказалось, тот менеджер, что выдавал нам билеты, днем раньше был уволен за пьянство. Мы ждали, что кто-то спросит у нас прайс до начала выступления, во время и после. Однако... никто к нам так и не подошел. Деньги были поделены по-братски.

Вообще, тема платы за выступления начала потихоньку подниматься именно в тот период. До этого клубы даже и не думали башлять музыкантам. Отрыжкинская практика «проставов» была надежно забыта, а платить «живые» деньги клубы не желали. Мы знали, что «Ва-Банк» и «Ногу Свело» (большие группы) спрашивали за свои выступления фиксированные гонорары, т. н. «гарантию». «Наив» настаивали на определенном проценте от входа, как правило, 50 %. Мы также начали спрашивать проценты, хотя стандартными условиями тогда для групп нашего уровня была оплата по «меченым флаерам». Группы брали на себя распространения флаеров, каждая банда метила свои определенным образом и раздавала. После концерта количество флаеров подсчитывалось, и таким образом организатор «определял», сколько человек «пришло» на конкретную группу. Эта практика (продолжающаяся до сих пор в некоторых клубах) ущербна, так как не дает истинного представления о том, на кого же все-таки пришла публика, а показывает только, кто активнее других заморачивался на раздачу бумажек. Мы не принимали подобных условий, и это стало причиной небольшого количества наших выступлений некоторое время.

На том последнем концерте в «Sexton» я, кстати, познакомился с двумя юными панками – родными братьями из подмосковной Истры. Они работали в клубе кем-то вроде уборщиков. Парни, бывшие фанаты «ГО», совсем недавно подсели на реальное музло. Увидев на мне майку Ramones, подаренную подружкой, они доебались с расспросами, где такую же взять им. Чуваков звали Чуп и Грузин, и в то время они грезили собственной группой. Через некоторое время они действительно организовали бэнд и, назвавшись «The Fun», приступили к репетициям. Ролевой моделью для группы они избрали своих кумиров – англичан «Toy Dolls». Мы подружились, и до некоторых пор они были единственной «новой» панк-группой не из старой тусы.

К тому моменту в «Четырех Тараканах» уже был новый басист. Пэп очевидно не тянул, стало ясно, что мы поспешили с «призывом» его в группу. Новым басистом стал Сергей Золотарев по кличке Джек, приятель хозяина нашей тогдашней базы. Серега имел крутой инструмент, роскошную гриву рыжих волос, джазовую школу, но... в группе также долго не продержался, проиграв с нами всего несколько месяцев. Имел место кошмарный инцидент, который сказался на столь непродолжительном участии Сереги в «Четырех Тараканах». В одну из наших поездок в С-Пб с Рубаном, который сильно и беспредельно выпивал, в плацкартном вагоне случилась «белая горячка». Денис доебывался к бухим солдатам-срочникам, ехавшим целой ротой и занимавшим полвагона. Солдатам Денис, очевидно, не нравился, и они по-человечески просили нас «забрать своего волосатика». Он начинал орать и петь песни в ночи, абсолютно не контролируя себя. Проводник, который заебался делать нам(!) замечания (с Рубаном напрямую общаться проводник не желал), пообещал, что на ближайшей станции к вагону подъедет ментовской наряд, и никакого Питера нам не видать. В конце

концов, Рубан начал конкретно беспредельничать, не узнавать братву и лезть в драку. Проводник выдал нам пластмассовый шнур, из тех, которыми закрепляют картонные коробки с только что купленными теликами, и порекомендовал Дениса этим шнуром связать. Нам ничего не оставалось делать, как воспользоваться его советом. Вязать Дениса было непростым делом, мы с Родей не могли справиться вдвоем. Рубан орал, вырывался, делал попытки сунуть нам в ебач, обзывал «фашистами» и брыкался ногами. Тут-то и вступил в дело Серега. Обладая достаточно мощным телосложением, он, навалившись на буяна, пару раз сунул тому в табло и быстренько связал его по рукам и ногам. Связанный Рубан тут же начал плакать и выть, разыгрывая безвинную жертву, жаловаться на невыносимую боль во всех связанных членах и просить развязать его, клянясь и божась, что более он беспредельничать не будет. Сжалившись, мы на свою беду начали распутывать шнур. Однако как только его руки оказались свободны, Денис тут же предпринял новую попытку достать наши ебальнички, причем на этот раз Серега не успел увернуться. Не увернувшийся Джек расвирепел, адекватно ответил Денису и связал его снова. Для Рубана этот случай оказался достаточной причиной, чтобы начать постоянно и целенаправленно гнобить басиста и настаивать на его замене. Ко мне и Роде у него претензий не было. Денис вообще имел несколько странные взгляды на вещи.

В итоге, Джеку пришлось уйти. Мы снова проклеили объявления на улицах и, на наше счастье, первый человек, откликнувшийся на них, был Леха Соловьев – супермузыкант, талантливый автор и отличный парень. Второй человек (кроме меня) из тех, что встречались вам на страницах книги до этого места, играющий в группе до сих пор. Уже семь с половиной лет. Леха приехал на прослушивание, заявил, что знает наизусть все эти ваши «панк роки», с ходу сыграл пару вещей с «Best Before...» и был без разговоров принят в группу. Родя, который желал не ограничиваться прослушиванием одного чела, назвал Леху «потенциальным» басистом, тем самым придумав ему на некоторое время новую кликуху. «Леха потенциальный» – вот как стали называть его некоторые люди, даже тогда, когда он давно перестал быть потенциальным. Первым концертом Алексея в составе «Четырех Тараканов» стало выступление в маленьком домашнем клубике в Москве под названием «3-й путь», в начале января 1996 года.

До «Четырех Тараканов» Алексей играл в группе Дмитрия Якомкульского, брата Антона из «Ногу Свело». Банда эта являлась логическим продолжением бывшей группы Дмитрия, «Рукастый Перец», которая была достаточно известна в конце 80-х – начале 90-х на андеграундной сцене. В этой же группе вместе с Соловьевым играл Леха Сахаров, будущий барабанщик Ульев.

С новым басистом мы продолжили сочинение и репетиции наших новых вещей. Сразу после записи «Best Before...» Родя настоял на том, что нам необходимо иметь в репертуаре часть вещей на русском (весьма здравая мысль!). Сочинение всей или хотя бы части лирики на русском языке стало насущной необходимостью. Россия так и не стала частью мирового рок-сообщества. Большинство русских групп, игравших нерусский рок в начале 90-х и сочинявших тексты на английском в ожидании скорого прорыва на Запад, к 96-му году либо распались, либо похоронили свои мечты. Многие (и мы в том числе) находились в плену ложного представления о русских текстах как о факторе, способствующем к скатыванию в «совчину» и в ненавистный русский рок.

Как тогда, так и сейчас, доля музыки на русском языке в наших личных фонотеках составляла лишь мизерную часть. Казалось, что русский язык и есть то главное, что отличает «фирму» от «совка». На самом же деле все было совсем не так. Делать настоящий РОК на русском, конечно же, намного сложнее, чем на английском, однако, тем не менее, возможно. Достаточно по-прежнему уделять основное внимание музыке, аранжировкам, чувственному наполнению и драйвовому исполнению. Если не «растекаться мыслью по древу» и не начать

использовать песни как полигон для демонстрации своих нереальных поэтических способностей, то результат может получиться вполне сносный. Не забывай о РОКе, а язык дело десятое!

Такой подход позже вызвал массу нареканий со стороны любителей «изящной словесности», облаченной в нелепые и нудные песни, называемые «русским роком». Эти люди, никогда ранее не слышавшие все эти экс-англоязычные банды, попытались применить к ним свои представления о том, каков должен быть текст в рок-песне. Понятно, на какой музыке были основаны их эти представления!

Нам тоже досталось от таких «специалистов». Наш первоначальный стандарт (второй куплет такой же, как и первый, и припев из четырех строчек) казался им свидетельством чуть ли не слабоумия! Все они обвиняли нас в том, что у нас «плохие стихи». Прошло уже достаточно времени с тех пор, и культурные представления людей в России вроде бы должны были достаточно расшириться за эти годы. Но и сейчас можно не редко услышать, как люди говорят о песнях, как о стихах. «Чуваки! Я тут сочинил 20 песен. Может, что-нибудь из этого вам подойдет» – пишет нам фэн и присылает целую тетрадь нелепых стишков, с приписками к четверостишиям: «1-й куплет», «Припев», «2-й припев».

В любом случае мы не собирались становиться русским роком и, смею думать, смогли найти верный баланс между катастрофически не роково звучащим языком и исполняемой музыкой. Вовану также отчего-то перестала нравиться практика совместного сочинения. Он предложил каждому члену банды приносить на репы готовые от начала до конца песни (музыка и тексты).

Я сделал «When She Was a Punk Girl», «Все, что мне надо – это ты» и «Она больше не любит меня». Родя принес «Весна», «Ночь-день-ночь», «Украл? Выпил?! в Тюрьму!!!» и в основном сочинил «Я пил». Он, очевидно, делал над собой усилия для того, чтобы сочинять песни в нашем стиле. Многие его произведения вызывали ожесточенные споры на репетициях, они были слишком «авторские» и не «лезли», как нам тогда казалось, в концепцию группы. Я дико обламывался от некоторых его вещей, например, песня «Кубик-рубик» по моим понятиям была абсолютно неприемлема для «Четырех Тараканов». Особенно меня в ней раздражала строчка: «Кто-то / все время крутит меня / словно кубик-рубик». Я пытался объяснить Роде, что говорить, а уж тем более петь «кубик-рубик» – не грамотно. Что так прозвали знаменитую игрушку советские лохи, и на самом деле она называется «кубик Рубика». Родя не хотел ничего слушать, настаивал на авторском видении, говорил что-то про особый стиль и творческую свободу. Я был готов принять все его аргументы, но петь «кубик-рубик», при всем уважении, просто не поворачивался язык. Я ничего не мог с собой поделать. В итоге песня была снята с повестки. Также мы репетировали еще одну вещь Вована – «Валидол» и песню Лехи Архипа, которая у автора имела название «Красное солнце», мы же ее прозвали просто: «Песня Архипа».

В апреле 96-го в новом клубе под названием «Форт Росс» мы организовали большой концерт в честь собственного пятилетия. Мы снова сделали огромное количество ч/б афиш формата А4 со смешным коллажем и юмористической шапкой «50-летие группы «Четыре Таракана». Майк Полещук познакомил меня с Таней Романенко, студенткой последнего курса журфака МГУ. Она вела программу «Зеленый коридор» на «Биз ТВ». Таня, или Тутта Ларсен, как она известна теперь, была женой Макса Галстяна, гитариста IFK, и как могла, поддерживала тогда независимую сцену в своей программе. Она несколько раз проанонсировала наше мероприятие. Также нас очень поддержала анонсами и постсобытийным сюжетом наша подружка Галя Коперник, ведущая музыкальных новостей ТВ-6, будущая певица «8-ой Марты». Специальными гостями на концерте были заявлены «Идиоты» и «Мэд Дог», новая панк (?) группа бывшей ритм-секции Lady's Man. На барабанах в этой группе играл (и

играет до сих пор) Снейк, старый глэм фэн, экс-участник наиболее раскрученной в начале 90-х глэм-группы Янг Ганз.

Снейк внезапно запарился на собственную группу, ушел от Ленина и увел с собой бас-гитариста и певца Боба. Взяв в ансамбль гитаристку из девчачьей группы «Бингер», они втроем сделали отличную поп-панк-банду, сильно ориентированную на Green Day. Green Day недавно выпустили свой бестселлер «Dookie», их видео даже показывали по российскому ТВ, и все продвинутые пацаны и девчонки некоторое время торчали на них. Как показало время, «Мэд Дог» оказались не настоящей панк-группой. Уже через год после первого концерта они полностью сменили ориентацию. Теперь грандж стал их коньком. Еще через какое-то время модными артистами из телевизора стали группы сорта Republica, Garbage и Foo Fighters – «Мэд Дог» начали играть «альтернативный поп». Появление Placebo внесло новые коррективы в видение музыкантами «Мэд Дог» своей музыки.

«Пятилетие «Четырех Тараканов» прошло отлично. Мы собрали почти 500 человек зрителей, панки тусовали у входа уже за 3 часа до начала, огромное количество новых фэнов тоже были здесь. Клево выглядящие панк-телки на крутом мейк-апе и прикиде, чуваки в разноцветных волосах и на DIY стаффе – отчего-то сейчас очень малая часть панк-фэнов парятся на то, чтобы выглядеть оригинально и круто. Теперь люди ограничиваются магазинными ширпотреб-лох майками, но тогда, в 96-м, большинство выглядело просто заебись!

Примерно в это же время нам поступило предложение записать песню для второй части сборника «Учитесь плавать». «УП» были модной тушей, радиопрограмма Склера разрослась до серии фестивалей и сборников. Поначалу формат «УП» не был ориентирован на панк-банды, их интересовал исключительно «хардкор-мазафака», ну и быть может, еще «Наив» с их «дегуманизированными» песнями. Публикой фестиваля была в основном «бейсболочно-козлинобородочная» молодежь, которая активно нас не принимала, то ли считая за лохов, то ли в принципе относясь к панкам с брезгливостью. Себя они максимально дистанционировали от панк-тусни, хотя многие из них достаточно скоро подсели на все наши NOFX'ы и Bad Religion'ы. На вторую часть сборника его продюсеры планировали также включить и группы в других стилистиках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.